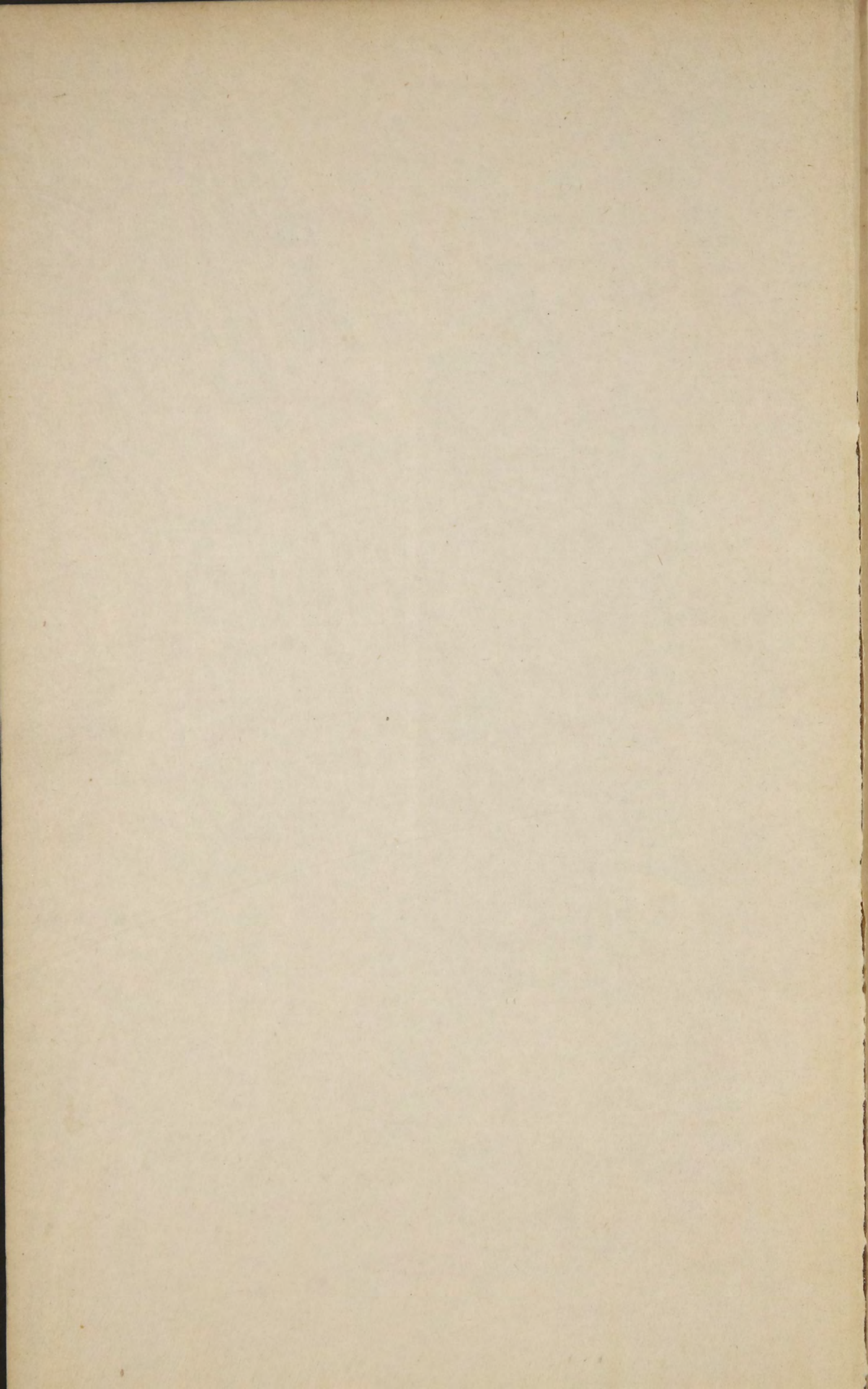

29334

5635

Возмездия. С. 10.

21

rt 1

Bo. D.

...

29334.

К

86699

Вознесенский С. В.

ГОРОДСКІЕ ДЕПУТАТСКІЕ НАКАЗЫ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ КОМИССІЮ 1767 ГОДА.

Знаменитая „Комиссія для сочиненія проекта новаго уложенія“, созванная Екатериной въ 1767 г., представляет огромный интересъ для изслѣдователей XVIII ст., такъ какъ изученіе ея проливаетъ обильный свѣтъ на экономическое, соціальное и юридическое состояніе тогдашней Россіи. И если многимъ современникамъ она казалась, по выраженію англійскаго посланника Ширлея ¹⁾, „комедіей“, а большинство ближайшихъ потомковъ или совершенно забыло ее, или насмѣшливо окрестило ее устами Пушкина „фарсой депутатовъ“, то это лишь свидѣтельствуешь, какъ мало о ней знали ²⁾. Наоборотъ, люди, хорошо освѣдомленные о дѣятельности комиссіи, признавали за ней большое значеніе. Вотъ какъ отзывалась о ней сама Екатерина въ своей „Запискѣ о введенныхъ въ Россіи учрежденіяхъ“: „Комиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пецись должно“;..... благо-

¹⁾ „Сборн. Имп. русск. ист. общества“, т. XII, донесеніе Ширлея Гейнриху Сеймуру Конуэ, стр. 307. Такъ же отрицательно отзывались о ней и другіе ея современники, напримѣръ, Болотовъ, Державинъ, Порошинъ, Сумароковъ. Этотъ взглядъ раздѣлялся и Лефортомъ, Вейдемейеромъ и др. „историками“ Екатерининскаго царствования. Только при самомъ учрежденіи своемъ комиссія встрѣтила въ обществѣ нѣкоторое сочувствіе: Сиверсъ, напр., привѣтствовалъ въ ней зарю политической свободы въ Россіи.

²⁾ Мнѣніе, будто комиссія сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности, а интересна лишь какъ памятникъ мудрости Екатерины, было усвоено и солидными учеными середины XIX в., напримѣръ, Неволнымъ (см. его „Энциклопедію законовѣдѣнія“, ч. II, стр. 488), руководившимися въ данномъ случаѣ не изученіемъ матеріаловъ, которые тогда еще не были извѣстны, а отзывами современниковъ и историковъ въ родѣ Лефорта и ему подобныхъ.

39

даря ей „стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ“¹⁾. Косвенно подобную же оцѣнку далъ ей въ самомъ началѣ прошлаго вѣка и сынъ извѣстнаго маршала комиссіи, сенаторъ Бибииковъ. Обращаясь къ тѣни знаменитой императрицы, которая въ вѣкъ наивысшаго расцвѣта бюрократизма обратилась къ содѣйствію общества, онъ писалъ: „память пышности двора твоего и великолѣпіе праздниковъ твоихъ, великая, временемъ исчезнетъ; геройскіе подвиги храбрыхъ твоихъ войскъ новыми и неимовѣрными нашего вѣка побѣдами затмятся, но дѣла... законодательницы россіянъ пребудутъ въ сердцахъ ихъ въ роды родовъ неизгладимыми“²⁾. А знаменитыя дѣла „законодательницы россіянъ“ были, конечно, плоть отъ плоти комиссіи 1767 г. И этотъ взглядъ на „величайшее событіе екатерининскаго царствованія“—такъ назвалъ комиссію проф. Сергѣевичъ³⁾—оказался справедливымъ.

Когда во второй половинѣ XIX ст. узнали о богатомъ наслѣдствѣ, которое оставила послѣ себя комиссія, когда мало по малу начали появляться въ печати (главнымъ образомъ, въ Сборникѣ Импер. русск. ист. общества) рисующіе ея дѣятельность документы, цѣлый рядъ ученыхъ съ большимъ интересомъ и энергіей принялись за ея изученіе. Одни занимались ея внѣшней исторіей, рассматривали ея организацию и порядокъ работъ⁴⁾; другіе изслѣдовали ее какъ форму проявленія общественной самодѣятельности и проводили параллели между ней и прежними подобными же формами—законодательными комиссіями первой половины XVIII вѣка и земскими соборами московскаго времени⁵⁾; третьи пытались оцѣнить степень вліянія ея на послѣдующее законодательство⁶⁾. Но богатая количественно, литература, посвященная екатерининской комиссіи, далеко не всегда можетъ быть признана цѣнной по своему качеству: очень часто она даетъ не окончательныя исполнѣ обоснованныя рѣшенія трактуемыхъ ею вопросовъ, а скорѣе лишь ставитъ эти послѣдніе и, такимъ образомъ, всего только намѣчаетъ пути для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Такой характеръ ея обу-

¹⁾ „Сборн. Импер. русск. ист. общества“, т. XXVII, стр. 176. Писано послѣ 1772 г.

²⁾ „Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибиикова“. С.-Пб. 1817 г., стр. 71.

³⁾ „Откуда неудачи екатерининской комиссіи“. *Вѣстникъ Европы*, 1878 г., № 1, стр. 188.

⁴⁾ В. И. Сергѣевичъ, Дитятинъ, М. Липинскій, П. Бланкъ, А. Брикнеръ, А. А. Кизеветтеръ и др.

⁵⁾ Соловьевъ, Шашковъ, Щаловъ, проф. Латкинъ и др.

⁶⁾ Проф. Пахманъ, проф. Латкинъ и др.

словливается, съ одной стороны, недостаточнымъ количествомъ бывшаго въ рукахъ ученыхъ матеріала, огромная часть котораго еще и теперь находится въ архивахъ, съ другой—не совсѣмъ правильными въ нѣкоторыхъ случаяхъ приемами его разработки. Этотъ упрекъ относится въ особенности къ тѣмъ трудамъ, которые посвящены разработкѣ привезенныхъ депутатами въ комиссію наказовъ.

Въ этой области у насъ имѣются двоякаго рода труды: во-первыхъ, такіе, гдѣ говорится о наказахъ лишь между прочимъ; во-вторыхъ, специально посвященные наказамъ. Къ первой категоріи можно отнести, на примѣръ, книги В. И. Семева¹⁾, Романовича-Славатинскаго²⁾ и барона Корфа³⁾; ко второй же категоріи принадлежатъ довольно много журнальныхъ статей, преимущественно, о дворянскихъ наказахъ⁴⁾, книга проф. Латкина⁵⁾, гдѣ изложены дворянскіе и городскіе указы, и нѣсколько работъ, посвященныхъ наказамъ Малороссіи⁶⁾. Но, не говоря уже о трудахъ перваго рода, ни одинъ изъ трудовъ и втораго рода не можетъ считаться разработавшимъ свою тему исчерпывающимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что всѣ они даютъ лишь общее представленіе о содержаніи наказовъ, а не детальную ихъ разработку. Такъ, говоря о тѣхъ или иныхъ нуждахъ и желаніяхъ населенія, они не производятъ при этомъ точнаго подсчета ихъ, а ограничиваются неопредѣленнымъ выраженіемъ: „въ большинствѣ случаевъ“ или „изрѣдка“; часто въ нихъ нѣтъ даже и такихъ указаній. Кромѣ того, иногда единичные факты, выхваченные изъ случайно попавшагося на глаза наказа, выдаются ими за типическіе. Для примѣра сошлемся на статью Соловьева, гдѣ говорится, что города желали имѣть больницы, аптеки, докторовъ и повивальныхъ бабокъ, а также академіи, университеты и школы⁷⁾, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого желало только незначительное меньшинство ихъ. А произведенный при изученіи наказовъ подсчетъ,

¹⁾ „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“. С.-Пб. 1900 г., т. II.

²⁾ „Дворянство въ Россіи“ и т. д. С.-Пб. 1870 г.

³⁾ „Дворянство и его сословное самоуправленіе, за столѣтіе 1762—1855 годовъ“. С.-Пб. 1906 г.

⁴⁾ С. К. Брюловой, П. Бланка, А. Брикнера, В. И. Сергѣевича, Дитятина, г. Абрамова, г. Богословскаго и др.

⁵⁾ „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“ С.-Пб. 1887 г., т. I.

⁶⁾ Гг. Авсеенко, Скальковскаго, Лазаревскаго, Мякотина, Багалѣя и др.

⁷⁾ „Разсказы изъ русской исторіи 1767 годъ“, *Русскій Вѣстникъ* 1861 г., т. XXXV, октябрь, стр. 334—335. То же самое повторено и въ ст. Дитятина: „Екатерининская комиссія 1767 г.“ въ „Статьяхъ по исторіи русскаго права“. С.-Пб. 1895 г., стр. 368.

во-первыхъ, устранилъ бы появленіе подобнаго рода одностороннихъ, а то и прямо ложныхъ взглядовъ; во-вторыхъ, позволилъ бы установить степень распространенности и такимъ образомъ типичности каждаго факта, содержащагося въ наказахъ, и въ-третьихъ, наконецъ, далъ бы возможность нарисовать цѣльную картину состоянія и настроенія населенія, поскольку и то и другое отразилось въ изслѣдуемыхъ документахъ.

Другой, тоже существенный, недостатокъ названныхъ трудовъ заключается въ томъ, что всѣ они оперируютъ надъ наказами, какъ надъ такимъ историческимъ матеріаломъ, который не возбуждаетъ никакого сомнѣнія въ своей подлинности. Однако, это еще вопросъ, и очень большой. Благодаря такому методологически-неправильному отношенію къ историческимъ документамъ, для нихъ осталось совершенно незамѣченнымъ хотя бы то обстоятельство, что многіе изъ наказовъ представляютъ собой переработку, а иногда и простую копию другихъ. Между тѣмъ это чрезвычайно важно при установленіи правильнаго взгляда на значеніе наказовъ какъ историческаго источника. Понятно, что ихъ цѣнность въ этомъ отношеніи будетъ различной въ зависимости отъ того, является ли данный наказъ самостоятельнымъ произведеніемъ или же компиляціей или копіей. Точно также во всѣхъ указанныхъ трудахъ совершенно обходится и вопросъ о томъ, какія группы населенія участвовали въ составленіи тѣхъ или иныхъ наказовъ, или даже тѣхъ или иныхъ частей одного и того же наказа. А рѣшеніе его могло бы разъяснить многія изъ встрѣчающихся въ послѣднихъ противорѣчій. Безъ такого обслѣдованія непонятно, на примѣръ, почему въ однихъ изъ городскихъ наказовъ встрѣчаются просьбы, хотя бы, о распространеніи на владѣльцевъ заводовъ и фабрикъ службъ, которыя несли посадскія общины; въ другихъ же высказываются пожеланія, чтобы, наоборотъ, заводчики и фабриканты и впредь были свободны отъ нихъ. Оказывается, что эти противоположныя требованія были внесены въ наказы разными слоями горожанъ, въ одномъ случаѣ купцами, въ другомъ — фабрикантами, интересы которыхъ не всегда совпадали. Равнымъ образомъ по той же причинѣ вызываютъ недоумѣніе и противорѣчивые пункты, заключающіеся въ одномъ и томъ же наказѣ, разныя части котораго составлялись различными группами населенія. Помимо этого, игнорированіе указаннаго вопроса не разъ приводило изслѣдователей къ совершенно ошибочнымъ выводамъ. Такъ, на примѣръ, Щаповъ полагалъ, что въ наказахъ отъ купечества „высказалась его старинная

нравственная черта—церковное обрядолюбіе“, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключались требованія относительно улучшения благосостоянія въ духовенствѣ, постройки церквей, поднятія въ народѣ благочестія и пр. ¹⁾). На самомъ же дѣлѣ, эти требованія включило въ городскіе наказы не купечество, а само же духовенство. И подобныхъ ошибокъ попадается въ указанныхъ трудахъ не мало. Наконецъ, во многихъ изъ нихъ встрѣчается и еще одинъ недостатокъ: ихъ выводы и положенія лишены сколько-нибудь обобщающаго характера, такъ какъ основаны только на изданномъ въ ихъ время матеріалѣ, а этотъ послѣдній былъ очень невеликъ ²⁾).

Вслѣдствіе всего этого посвященныя характеристикѣ наказовъ работы далеко не представляютъ собой вполне достаточной научной обработки ихъ и, въ виду этого, не устраняютъ необходимости въ новомъ изученіи подлинниковъ. Такое изученіе мы и ставимъ своей цѣлью и въ настоящемъ очеркѣ займемся городскими наказами, какъ наименѣе обследованными въ нашей ученой литературѣ. Ихъ изученіемъ, какъ мы уже сказали, занимался одинъ лишь проф. Латкинъ, посвятившій имъ около 100 стр. въ своей книгѣ о законодательныхъ комиссіяхъ XVIII ст. При этомъ онъ, поставивъ себѣ иную, чѣмъ мы, задачу, ограничился, съ одной стороны, довольно бѣглою характеристикой тѣхъ нуждъ и желаній, какія въ наказахъ высказаны, съ другой—сравненіемъ этихъ послѣднихъ съ законодательными актами второй половины екатерининскаго царствованія, на которые они оказали вліяніе. Мы же хотимъ, во-первыхъ, изучить городскіе наказы, какъ историческій источникъ, именно опредѣлить степень ихъ субъективной достовѣрности, показать, насколько заключающіяся въ нихъ нужды и желанія принадлежатъ тѣмъ группамъ населенія, отъ имени которыхъ они были представлены въ комиссію; во-вторыхъ, подробно изложить эти нужды и желанія и выяснить ихъ происхожденіе. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда намъ придется говорить, были ли осуществлены тѣ или иныя выраженные въ наказахъ стремленія въ послѣдующемъ законодательствѣ, мы, конечно, будемъ пользоваться работою проф. Латкина.

Въ настоящемъ очеркѣ мы займемся изслѣдованіемъ лишь тѣхъ изъ городскихъ наказовъ, которые принадлежатъ губерніямъ: Ниже-

¹⁾ „Земскій соборъ 1698—1699 г. и собраніе депутатовъ 1767 г.“ *Отечественныя Записки*, 1862 г., № 11.

²⁾ Отъ этого свободны лишь нѣкоторыя работы о дворянскихъ и малороссійскихъ наказахъ и книга проф. Латкина.

городской, Московской, С.-Петербургской, Новгородской, Казанской и Архангельской ¹⁾). На изученіи именно этихъ наказовъ мы останавливаемся не только потому, что почти всѣ они изданы въ свѣтъ ²⁾, но и потому, что въ нихъ замѣчается единство содержанія—благодаря чему возможно и удобно изучать ихъ въ отдѣльности отъ наказовъ другихъ мѣстностей, которыя болѣе или менѣе отличаются отъ указанныхъ губерній. Дѣло въ томъ, что послѣднія или искони составляли ядро московскаго государства, или же давнымъ давно были присоединены къ нему, такъ что въ изучаемый періодъ времени успѣли слиться съ нимъ, утратить значительную долю своихъ мѣстныхъ особенностей. Немудрено, что и города въ этихъ губерніяхъ, какъ по экономическому состоянію и социальному составу своего населенія, такъ и по отношенію его къ государственной власти представляли между собой гораздо болѣе сходства, чѣмъ отличій. Что же касается наказовъ другихъ городовъ Россіи, то изученіе ихъ, по чисто методическимъ соображеніямъ, полезнѣе производить отдѣльно: картина положенія и стремленій этихъ городовъ получится тогда отчетливѣе и рельефнѣе. Вѣдь у нихъ была своя особая индивидуальная физиономія, явившаяся продуктомъ ихъ особаго историческаго прошлаго, физиономія, рѣзкія черты которой еще не могли сгладиться къ половинѣ XVIII ст. Таковы были города принадлежавшей намъ тогда части Финляндіи, Слободской Украйны и Малороссіи, порубежные съ Литвой, южные и нижневолжскіе и, наконецъ, сибирскіе.

Всего отъ городовъ Россійской имперіи было прислано 210 депутатовъ ³⁾ и нѣсколько большее число наказовъ ⁴⁾. Отъ названныхъ же

¹⁾ Наказы послѣднихъ пяти губерній напечатаны въ томахъ XCIII, CVII и CXXXIII „Сборника Имп. русск. ист. общества“. Наказы же Нижегородской губерній, а также и нѣкоторыхъ другихъ, въ настоящее время готовятся къ печати Н. Д. Чечулинымъ, которому мы приносимъ свою глубокую благодарность за любезное разрѣшеніе познакомиться съ ними, а также за многія очень цѣнные для нашей работы указанія и совѣты.

²⁾ Изъ наказовъ другихъ губерній пока изданы еще указы Малороссіи.

³⁾ Подсчетъ сдѣланъ на основаніи „Списка господамъ депутатамъ“, напечатаннаго М. Лонгиновымъ: „Матеріалы для исторіи комиссіи 1767 г.“ (*Русск. Вѣсти.* 1861 г., № 12, Приложение). У проф. Латкина (op. cit., стр. 250) показана цифра 208; но онъ почему-то не относитъ къ числу городскихъ депутатовъ отъ раскольниковыхъ слободъ Кіевской губ., хотя жители послѣднихъ—торговцы и ремесленники—не разъ просили, повторяя свою просьбу и въ наказѣ, о превращеніи ихъ слободъ въ посады (см. ихъ наказъ въ Сб. И. Р. И. О-ва, т. CVII, стр. 204—210). Точно также, вслѣдъ за М. Лонгиновымъ, проф. Латкинъ считаетъ депутата отъ татаръ г. Казани провинціальнымъ. Между тѣмъ, это, какъ показалъ М. Липинскій, невѣрно („Комиссія о

губерній явилось 117 ¹⁾ депутатовъ, привезшихъ съ собою 126 наказовъ ²⁾. Такое огромное количество тѣхъ и другихъ, падающее всего только на шесть губерній изъ числа всѣхъ тогда бывшихъ 20, объясняется тѣмъ, что онѣ занимали огромное пространство, составляющее въ настоящее время цѣлыхъ 20 губерній ³⁾. При этомъ, если принять приблизительную цифру городовъ тогдашней Россіи въ 225 ⁴⁾, то окажется, что въ этихъ губерніяхъ было больше половины ихъ, причемъ здѣсь находились самые важные изъ нихъ по своему значенію для того времени. Такимъ образомъ изученіе тѣхъ нуждъ и желаній, какія встрѣчаются въ присланныхъ вышеупомянутыми городами въ комиссію наказахъ, познакомитъ насъ съ идеалами и стремленіями городского населенія всей коренной Россіи.

I.

Городскіе указы какъ историческій источникъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ изученію городскихъ указовъ по существу—изслѣдованію ихъ содержанія, констатированію, классификаціи и объясненію тѣхъ „нуждъ и чувствительныхъ недостатковъ“ ⁵⁾,

сочиненіи проекта новаго уложенія“. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 264). В. И. Сергѣевичъ же (op. cit., стр. 207) считаетъ почему-то число депутатовъ въ 207.

⁴⁾ По проф. Латкину, 210, но это не вѣрно, такъ какъ нѣкоторые депутаты привезли и указы тѣхъ городовъ, которые депутатовъ не посылали, какъ, напр., депутатъ Архангельска, или же по нѣскольку указовъ отъ одного города, какъ, напр., депутатъ Нѣжина, привезшій 4 указа, составленные разными группами городского населенія.

¹⁾ Подсчетъ сдѣланъ на основаніи вышеуказаннаго списка и проверенъ по указамъ, находящимся въ ХСШ, СѴІІ и СХХІІІ томахъ „Сборника И. Р. И. О-ва.“

²⁾ Всѣ они, кромѣ нижегородскихъ, нанечатаны въ вышеуказанныхъ томахъ „Сборника“.

³⁾ Въ половинѣ ХѴІІІ в. Московская губ. охватывала нынѣшнія Московскую Ярославскую, Костромскую (безъ трехъ уѣздовъ), Владимірскую, Рязанскую, Тульскую и Калужскую; Новгородская—Новгородскую, Псковскую, Тверскую и Олонекскую; Казанская—Казанскую, Пензенскую, Самарскую и Симбирскую; Архангелогородская—Архангельскую, Вологодскую и три уѣзда Костромской (Галичъ, Чухлому и Солигалицкѣ); Петербургская и Нижегородская представляли то же, что и теперь.

⁴⁾ Эта цифра фигурируетъ въ черновомъ „планѣ выборовъ“, напечатанномъ М. Липинскимъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г., № 6, стр. 289.

⁵⁾ Слова, поставленные въ кавычки, взяты изъ манифеста 14-го дек. 1766 г., Ц. С. З., т. ХѴІІ, № 12801.

тѣхъ „челобитій“, „представленій“ и „надобностей“¹⁾, какія въ нихъ заключаются, — мы займемся вопросомъ о степени ихъ достовѣрности, какъ историческаго источника. Вѣдь изученіе по наказамъ „пользы и нужды“ городовъ и тѣхъ мѣръ, какія предлагались ими для достиженія первыхъ и удовлетворенія вторыхъ, будетъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда мы узнаемъ, въ какой мѣрѣ изслѣдуемые нами документы дѣйствительно являются отраженіемъ жизни и настроенія тѣхъ слоевъ населенія, отъ имени которыхъ они составлены. Поэтому критическій разборъ ихъ въ качествѣ историческаго источника будетъ предшествовать у насъ анализу ихъ содержанія.

Въ области критики наказовъ какъ историческаго источника сдѣлано въ нашей научной литературѣ чрезвычайно мало, и къ тому же это малое не всегда носитъ характеръ общепризнанной истины. Главнымъ образомъ недостатокъ въ матеріалѣ, а отчасти довѣріе къ личнымъ впечатлѣніямъ отъ знакомства съ содержаніемъ наказовъ, способствовали тому, что здѣсь было высказано изслѣдователями гораздо больше чисто субъективныхъ взглядовъ и гипотезъ, чѣмъ научно обоснованныхъ положеній. Какія изъ нихъ вѣрны, а какія ошибочны, мы увидимъ въ дальнѣйшемъ. Чтобы имѣть право признавать или отрицать за наказами значеніе историческаго источника, необходимо прежде всего выяснитъ причину, ихъ вызвавшую, и цѣль, которую они преслѣдовали, а также способъ ихъ составленія, такъ какъ все это должно было такъ или иначе отразиться на ихъ характерѣ. Къ этому мы теперь и приступимъ.

1. Причина возникновенія наказовъ и ихъ задачи.

По вступленіи на престолъ Екатерина II хотѣла сдѣлать свой народъ „столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ простираться на сей землѣ“²⁾. Для того, чтобы „видѣть все отечество свое на самой высшей степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія“³⁾, она задумала создать

¹⁾ Слова, поставленные въ кавычки, взяты изъ городскихъ наказовъ, гдѣ они повторяются en masse.

²⁾ Манифестъ 14-го дек. 1766 г. П. С. З., т. XVII, № 12801.

³⁾ „Наказъ Имп. Ек. II“, подъ ред. *Н. Д. Чечулина*. С.-Пб. 1907, стр. 1, ст. 2. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ мы всегда будемъ пользоваться именно этимъ изданіемъ „Наказа“, такъ какъ въ немъ русскій текстъ свѣренъ съ подлинникомъ, подписаннымъ самой императрицей, а французскій — съ текстомъ лучшаго четырехъ-язычнаго изданія 1770 г. Кромѣ того, въ обстоятельномъ введеніи *Н. Д. Чечулина* помѣщены

„новое уложеніе“, основные принципы котораго изложила въ своемъ „Наказѣ“—этомъ, по ея собственному выраженію, „евангеліи законности“. Взавъ въ свои руки инициативу и намѣтивъ общее направленіе будущаго законодательства, императрица потребовала помощи и отъ народа. Такое раздѣленіе труда было вызвано тѣмъ, что въ основу предстоящей работы она положила принципъ, заимствованный ею у Монтескьё: „законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію“, ибо „мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности“¹⁾. По мысли Екатерины, народъ долженъ былъ, съ одной стороны, дать депутатовъ, которые, образовавъ комиссію, занялись бы примѣненіемъ выработанныхъ ею теоретическихъ воззрѣній къ „народному умствованію“, съ другой—прислать указы, которые познакомили бы ее съ этимъ умствованіемъ.

И вотъ, въ манифестѣ 14-го дек. 1766 г. она обратилась къ народу съ предложеніемъ сообщить правительству „неправды и утѣсненія“, которыя онъ испытывалъ, и „способы ихъ уничтоженія“²⁾. Благодаря такой поставленной наказамъ задачѣ,—а она въ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, вполнѣ была осуществлена,—уже а priori можно заключить, что они являются довольно одностороннимъ историческимъ источникомъ. Именно, въ нихъ можно почерпнуть свѣдѣнія не о всемъ объемѣ тогдашней жизни, а лишь объ однихъ отрицательныхъ сторонахъ ея³⁾. И дѣйствительно, указы—это, во-первыхъ, какъ удачно выразился Дитятинъ, „скорбные листы“⁴⁾, наполненные перечисленіемъ „изнеможеній“ и „отягощеній“, которыя очень часто встрѣча-

многіе матеріалы относительно составленія „Наказа“ и отмѣчены всѣ заимствования въ немъ, что для насъ является очень важнымъ.

¹⁾ „Наказъ“, гл. VI, стр. 57 и „Введение“ къ нему, стр. СXXXIX. Кромѣ Монтескьё, ту же мысль о необходимости къ устройенію общаго блага привлечь и тѣхъ, для кого оно предназначается, высказывали и многіе другіе западно-европейскіе „учителя“ Екатерины. Кромѣ того, она не была чужда и русскому обществу—вспомнимъ хотя бы Посошкова, верховниковъ и шляхетство 1730 года, а также Волинскаго и Щербатова,—и русскому правительству перв. пол. XVIII в., не разъ призывавшему въ законодательныя комиссіи народныхъ представителей.

²⁾ П. С. З., т. XVII, № 12801.

³⁾ Противоположное мнѣніе высказываетъ новѣйшій изслѣдователь дворянскихъ наказовъ, баронъ С. А. Корфъ. „Матеріалы Екатерининской комиссіи, — говоритъ онъ, — даютъ историку *полнѣйшую* картину всего строя нашего общества того времени“. Op. cit., стр. 79.

⁴⁾ „Екатерининская комиссія“, въ „Статьяхъ“, стр. 335.

лись въ тогдашней жизни, но, конечно, еще не составляли всю ее; во-вторыхъ, это — программы „нужныхъ исправленій“¹⁾, отъ осуществленія которыхъ населеніе ждало улучшенія своего состоянія. Въ виду этого совершенно немыслимо написать съ помощью только наказовъ полную и законченную картину реальныхъ условій, въ какихъ находились тѣ или иные слои народа: вмѣсто разнообразія цвѣтовъ, которыми отливаешь жизнь общества даже въ самыя мрачныя эпохи, на этой картинѣ получился бы одинъ, сплошь черный.

Мало того, задача, предъявленная къ наказамъ, чтобы они были, между прочимъ, списками „общественныхъ недостатковъ“²⁾, невольно вызываетъ предположеніе, что въ своей фактической части они могутъ значительно грѣшить противъ истины: желая придать своимъ стремленіямъ характеръ болѣе настоятельной потребности, населеніе могло слишкомъ подчеркивать отрицательный элементъ въ своей жизни. Сейчасъ мы не станемъ ни опровергать, ни защищать этого предположенія, такъ какъ вопросъ объ объективной достовѣрности наказовъ, о соответствіи сообщаемыхъ ими фактовъ дѣйствительному положенію вещей, выходитъ изъ рамокъ нашей работы, такъ какъ мы хотимъ рассмотреть лишь вопросъ объ ихъ субъективной достовѣрности. А для того, чтобы узнать, принадлежатъ ли высказанныя въ нихъ мысли и стремленія именно тѣмъ группамъ населенія, отъ имени которыхъ они были присланы въ комиссію, и дѣйствительно ли ихъ можно назвать, подобно французскимъ cahiers 1789 г. „хранилищемъ всѣхъ мнѣній и пожеланій“ страны³⁾, мы познакоимся со способомъ ихъ составленія. Наше знакомство ограничится, впрочемъ, только городскими наказами и, преимущественно, лишь однѣхъ названныхъ выше губерній.

Здѣсь намъ придется выяснитъ: 1) какіе разряды городского населенія принимали участіе въ составленіи наказовъ, 2) происходила ли между ними борьба интересовъ, или, наоборотъ, они дѣйствовали единодушно, 3) было ли при этомъ давленіе со стороны центральной и мѣстной властей и 4) насколько сознательно отнеслись къ дѣлу составители. Такъ какъ указы вырабатывались тѣми же слоями населенія, которые принимали участіе и въ избраніи депутатовъ въ ко-

¹⁾ Слова, поставленные въ кавычки, взяты изъ городскихъ наказовъ.

²⁾ Манифестъ 14-го дек. 1766 г. П. С. З., т. XVII, № 12801.

³⁾ Какъ называлъ французскіе указы 1789 г. Малуэ въ бесѣдѣ съ Мирабо и Монмореномъ въ февр. 1791 г. См. Э. Шампюнь. „Франція наканунѣ революціи по наказамъ 1789 года“. С.-Пб. 1906 г., стр. 5.

миссію, то для рѣшенія поставленныхъ нами вопросовъ необходимо обратиться къ изученію выборовъ. Прежде всего мы рассмотримъ, всѣ ли горожане или только часть ихъ были допущены къ нимъ и въ какой мѣрѣ они воспользовались своимъ правомъ.

2. Всесловность городскихъ выборовъ по избирательному закону.

Подобно тому, какъ въ XVII ст. городъ не былъ „единымъ организмомъ“, а представлялъ собой „совокупность ничѣмъ не связанныхъ, даже стремящихся къ разъединенію частей,... тянувшихъ каждая свое тягло“¹⁾, такъ и въ половинѣ XVIII ст. онъ все еще являлся „разсыпанной храминой“. Петръ своимъ законодательствомъ хотѣлъ превратить русскій городъ въ западно-европейскій, но „западно-европейскіе города, — какъ выразился проф. Сергѣевичъ, — не были созданы однимъ почеркомъ пера“²⁾. Великому преобразователю не удалось химически соединить конгломератъ отдѣльныхъ податныхъ общинъ, скрѣпленныхъ между собой чисто механической связью — общей территоріей, сдѣлать всѣ ихъ автономной единицей. Въ сущности дѣятельность Петра ограничилась здѣсь тѣмъ, что онъ перенесъ на городъ тотъ взглядъ, какой Уложение, идя на встрѣчу желанію самаго посадскаго населенія, высказало по отношенію къ посадѣ: XIX глава его, почти вся составленная по челобитьямъ „земскихъ людей“³⁾, устанавливаетъ понятіе посада какъ общины, объединявшей въ одно цѣлое исключительно государственно-тяглое торгово-промышленное сословіе. Именно это послѣднее, а не города, Петръ и имѣлъ въ виду при созданіи своихъ городскихъ учреждений. За исключеніемъ торгово-промышленнаго, жившаго въ посадахъ, другіе элементы населенія, жившіе въ прежнихъ слободахъ и дѣтинцахъ, имъ просто игнорировались. „Онъ стремился, въ данномъ случаѣ, никакъ не къ какому-нибудь новшеству, — говоритъ Дитятинъ, — а просто къ осуществленію мысли, созрѣвшей еще въ головахъ московскихъ администраторовъ, мечтавшихъ, напримѣръ, въ лицѣ извѣстнаго новатора въ царствованіе царя Алексѣя, боярина Ордына-Нащокина, о созданіи одного „пристойнаго приказа“, который и вѣдалъ бы все

¹⁾ Дитятинъ. „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи“. С.-Пб. 1875 г., т. I, стр. 137.

²⁾ „Сб. И. Р. Ист. О-ва“, т. CVII, стр. VI.

³⁾ Проф. Загоскинъ. „Уложение царя и в. кн. Алексѣя Михайловича и Земскій Соборъ 1648—49 гг.“ Казань. 1879 г.

торгово-промышленное населеніе московскаго государства чрезъ мѣстныхъ, ему исключительно подчиненныхъ, органовъ“¹⁾. Со времени петровской реформы города стали *de jure* самоуправляющимися сословными посадскими общинами, охватывавшими собой лишь одинъ торгово-промышленный классъ. Однако, *de facto* въ нихъ попрежнему оставались и другія группы населенія, напимѣръ, дворяне, канцеляристы, духовенство, чернорабочіе и земледѣльцы, но все это были не „граждане“, а „обыватели“, вѣдавшіеся или воеводой, или разнаго рода канцеляріями и конторами²⁾.

И вотъ возникаетъ вопросъ: всѣ ли жители или только „регулярные“ призывались къ участию въ комиссіи? Въ рѣшеніи его мнѣнія ученыхъ рѣзко расходятся. Тогда какъ многіе, особенно проф. Сергѣевичъ и проф. Латкинъ, высказались за сословность городскихъ выборовъ, то-есть, что участвовать въ нихъ имѣли право лишь члены посадскихъ общинъ, Дитятинъ, М. А. Липинскій, Н. Д. Чечулинъ и А. А. Кизеветтеръ считаютъ выборы въ городахъ *всесловными*³⁾. Эта противоположность во взглядахъ объясняется тѣмъ, что разные изслѣдователи діаметрально-противоположно толкуютъ относящуюся къ городскимъ выборамъ статью „Обряда выборовъ“, редакція которой если не непонятна, то во всякомъ случаѣ слишкомъ кратка. Кромѣ того, причиной спора является еще, какъ справедливо указалъ г. Кизеветтеръ, совершенно недопустимое съ юридической точки зрѣнія „смѣшеніе права и факта“⁴⁾. Именно, большинство названныхъ изслѣдователей стремится подтвердить тотъ или иной взглядъ на выборы ссылкой на избирательную практику, въ которой дѣйствительно встрѣчались какъ случаи сословности, такъ и случаи *всесловности* выборовъ. Между тѣмъ эта ссылка ничего не доказываетъ въ вопросѣ о томъ, какія прин-

¹⁾ „Къ исторіи „жалованныхъ грамотъ“ городамъ и дворянству“, въ „Статьяхъ“, стр. 108. Къ такому же выводу пришелъ и новѣйшій изслѣдователь города въ XVIII ст., А. А. Кизеветтеръ: „Въ теченіе всего изучаемаго періода (XVIII в.),—говоритъ онъ,—посадъ оставался такой же тяглою торговопромышленной общиной, какою онъ былъ и въ эпоху московскаго государства“. „Посадская община въ Россіи XVIII ст.“ С.-Пб. 1903 г., стр. 169.

²⁾ Напр., дворцоваго вѣдомства, вѣдомства экономіи, адмиралтействъ-коллегіи и др.

³⁾ Мы упомянули имена лишь тѣхъ ученыхъ, которые или впервые высказали то или иное мнѣніе, или привели въ подтвержденіе его новыя данныя, новыя соображенія.

⁴⁾ „Происхожденіе городскихъ депут. наказовъ въ Екат. ком.“ (*Рус. Бог.* 1898 г., № 11, стр. 45). Этотъ упрекъ г. Кизеветтеръ дѣлаетъ по отношенію къ проф. Латкину, но его можно распространить и на проф. Сергѣевича и на М. Липинскаго.

ципіальныя основанія городского представительства устанавливаетъ „Обрядъ выборовъ“ 1767 г.: вѣдь законъ и его примѣненіе, какъ извѣстно, могутъ часто совершенно не совпадать.

Подобное разногласіе заставляетъ еще разъ пересмотрѣть вопросъ о выборахъ. Мы думаемъ, что для его полного рѣшенія необходимо познакомиться прежде всего съ мнѣніемъ на этотъ счетъ самой Екатерины. Правда, кромѣ упомянутого „Обряда“, она нигдѣ не высказала его прямо, но зато о немъ мы можемъ судить косвенно, на основаніи взглядовъ ея на торгово-промышленное сословіе и города, выраженныхъ въ XVI и XVII главахъ „Наказа“. Въ нихъ содержатся тѣ общія начала, на которыхъ должна была выработать новое „положеніе“ выдѣленная изъ „Большой комиссіи“ „комиссія о городахъ“. Исслѣдовавшій эти главы Дитятинъ нашелъ между ними непримиримое противорѣчіе, указывающее, что въ головѣ законодательницы „понятіе города, какъ единой земской единицы, какъ юридическаго лица, образовавшагося изъ совокупности всего городского населенія, не могло вытѣснить стараго понятія о немъ, какъ о совокупности тяглыхъ сословно-государственныхъ единицъ“¹⁾. Другими словами, во время составленія „Наказа“ Екатерина еще не выяснила себѣ, что долженъ представлять собой городъ: сословную общину или всесословное общество. На нашъ взглядъ этотъ выводъ глубоко ошибоченъ.

Въ XVI гл. своего „Наказа“ императрица говоритъ о „мѣщанахъ“ или иначе „среднемъ родѣ людей“, называвшемся въ Западной Европѣ *tiers état*. Это сословіе она опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ“, а также „въ мореплаваніи“, причемъ, „пользуясь вольностью, не принадлежатъ ни ко дворянству, ни ко хлѣбопашцамъ“²⁾. Въ этихъ словахъ Дитятинъ видитъ „опредѣленіе города, какъ пункта, исключительно населеннаго „среднимъ родомъ людей“, какъ особымъ сословіемъ“³⁾. Мы же полагаемъ, что не выходя за предѣлы текста „Наказа“, здѣсь дѣйствительно заключается опредѣленіе, но не города, а „мѣщанъ“, какъ одной изъ группъ городского населенія. Правильность нашего мнѣнія подтверждаетъ тотъ фактъ, что, говоря въ XV гл. о „земледѣльцахъ“

¹⁾ „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи“. Т. I, стр. 401—407; тотъ же взглядъ повторенъ и въ ст.: „Къ исторіи „жалованныхъ грамотъ“ городамъ и дворянству“ въ „Статьяхъ“, стр. 115—116.

²⁾ „Наказъ“, гл. XVI, ст. 377, 380 и 379.

³⁾ „Къ ист. жалован. грамотъ гор. и двор.“, въ „Статьяхъ“, стр. 116,

и „среднемъ родѣ людей“, Екатерина указываетъ въ качествѣ одного изъ ихъ признаковъ на мѣсто ихъ жительства—на села и деревни для первыхъ и на города для вторыхъ. При опредѣленіи же дворянскаго сословія, она этого не дѣлаетъ ¹⁾. Ясно, что, по ея мнѣнію, дворяне могли жить одинаково какъ въ селахъ и деревняхъ, такъ и въ городахъ. А отсюда вытекаетъ, что понятіе городского населенія и понятіе средняго рода людей для нея далеко не равнозначущи: второе по отношенію къ первому является видовымъ.

Единственный же, лишенный при томъ всякой двойственности, взглядъ Екатерины на городъ высказанъ ею лишь въ XVII гл. „Наказа“. Поставивъ рядъ вопросовъ: „что есть городъ, кто въ ономъ почитается жителемъ и кто составляетъ общество того города, и кому пользоваться выгодами по свойству естественнаго положенія того мѣста и какъ сдѣлаться городскимъ жителемъ можно“, она даетъ слѣдующій отвѣтъ: „тѣмъ, кои обязаны принимать участіе въ добромъ состояніи города, имѣвъ въ немъ домъ и имѣніе, дается имя мѣщанъ. Сіи суть обязаны для собственнаго же своего благосостоянія и для гражданской ихъ безопасности въ жизни, имѣніи и здоровьи, платить разныя подати, дабы пользоваться сими выгодами и прочимъ своимъ имѣніемъ беспрепятственно“ ²⁾. Такимъ образомъ, принадлежность къ городскому обществу основывается здѣсь не на принципѣ сословности, а на принципѣ собственности: получаетъ „имя мѣщанъ“ всякій, кто платитъ „разныя подати“, а это дѣлаетъ лишь имѣющій „домъ и имѣніе“.

Вотъ между этимъ-то взглядомъ на городъ и „прежнимъ“ Дитятинъ и нашель противорѣчіе. Но помимо того, что онъ ошибочно принялъ опредѣленіе въ XVI гл. „средняго рода людей“ за опредѣленіе города, неправильность его мнѣнія объясняется еще и тѣмъ, что онъ всюду понималъ слово „мѣщане“ въ одинаковомъ узко-сословномъ значеніи. А между тѣмъ, сама Екатерина употребляла это слово въ двоякомъ смыслѣ: въ XVI гл. „Наказа“ „мѣщанами“ у ней названы лица, принадлежащіе къ торгово-промышленному сословію, а въ XVII гл.—жители города, пользующіеся правами гражданъ, составляющіе городское общество. Подтвержденіемъ этого можетъ служить то обстоятельство, что во французскомъ текстѣ „Наказа“ „мѣщанинъ“ въ первомъ значеніи этого слова переданъ терминомъ „bourgeois“, а во второмъ—„citoyen“ ³⁾. Что это не простая случайность, дока-

¹⁾ „Наказъ“, гл. XV, ст. 358, 359 и слѣд.

²⁾ Ibid., гл. XVII, ст. 393 и 394.

³⁾ Франц. текстъ „Наказа“, ст. 377 и 394.

зывается тѣмъ, что, когда рѣчь идетъ о „среднемъ родѣ людей“, о мѣщанахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, во французскомъ текстѣ всегда стоитъ слово bourgeois, а когда говорится о жителяхъ города въ смыслѣ гражданъ, то опять-таки всегда—citoyen ¹⁾. Такимъ образомъ, теперь становится совершенно яснымъ, что въ своемъ „Наказѣ“ императрица хотѣла видѣть въ городахъ не узко-сословныя общины торгово-промышленнаго класса, а общества, объединявшія собой всѣхъ собственниковъ, владѣвшихъ на городской территоріи „домомъ“ и „имѣніемъ“ независимо отъ того, къ какому сословію они принадлежали.

При наличности этого факта, ошибочно понятаго Дитятинымъ и не обратившаго на себя вниманія ни защитниковъ сословнаго принципа выборовъ, ни ихъ оппонентовъ, дѣлается вполне понятной и статья „Обряда“, содержащая въ себѣ указаніе, кто пользуется въ городахъ избирательнымъ правомъ. Вотъ ея полная редакція: „выбираетъ городского депутата всякій хозяинъ, дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыселъ въ томъ городѣ имѣющій“ ²⁾. Ни о какихъ сословныхъ ограниченіяхъ здѣсь нѣтъ и помину, а есть лишь ограниченія имущественныя. Другими словами, къ участию въ выборахъ призываются не bourgeois, а citoyens, не корпорація торгово-промышленныхъ тягловцовъ, а весь составъ постоянныхъ обывателей города, владѣвшихъ въ чертѣ его недвижимой собственностью. Что названная статья заключаетъ въ себѣ именно этотъ смыслъ, можно еще рельефнѣе увидѣть изъ сопоставленія ея со статьями 16 и 24. Первая изъ нихъ содержитъ полномочія, какими избиратели облачаютъ городского „степеннаго“ голову, избиравшагося для руководства выборами депутата такимъ же способомъ, какъ и послѣдній. Въ этихъ полномочіяхъ указывается, что городскому головѣ дается „полная довѣренность на два года, не только при нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, если даны будутъ отъ верховныя власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего общаго разсужденія всѣхъ живущихъ въ нашемъ городѣ“. А, конечно, понятіе „всѣхъ живущихъ“ въ городѣ гораздо шире понятія лишь корпораціи торгово-промышленныхъ тягловцовъ. Во второй же изъ названныхъ статей законодатель говоритъ, что для „сочиненія“ наказа избиратели выбираютъ изъ своей среды 5 человекъ, „въ числѣ ко-

¹⁾ См., напр., ст. 359, 393 и др. во франц. текстѣ „Наказа“.

²⁾ П. С. З., т. XVII, № 12801, „Обрядъ“, буква Г, ст. 5.

торыхъ и нѣсколько купцовъ должны быть“. Такая оговорка ясно показываетъ, что въ это число пяти могли попасть и лица, не принадлежавшія къ купеческому сословію.

Провозглашенную обрядомъ всесословность городскихъ выборовъ не можетъ опровергнуть указаніе проф. Сергѣевича, повторенное и проф. Латкинымъ, что передъ созывомъ комиссіи Екатерина долго колебалась относительно того, какіе разряды городского населенія слѣдуетъ привлечь къ участию въ ней. Такъ, въ планѣ выборовъ, составленномъ кн. Вяземскимъ, оберъ-прокуроромъ Всеволожскимъ, генераль-рекетмейстеромъ Козловымъ и С. М. Козьминимъ, которымъ Екатерина дала для этого нѣсколько руководящихъ мыслей, вмѣсто выборовъ отъ городовъ предполагалось провести лишь выборы отъ купцовъ и мѣщанъ. Точно также и въ черновомъ спискѣ „Обряда“, писанномъ рукой императрицы, купцы, какъ особая группа избирателей, различаются отъ цеховыхъ и мѣщанъ ¹⁾. Наконецъ и въ рукописномъ черновомъ подлинникѣ „Наказа“ императрица, между прочимъ, говоритъ „que chaque cercle envoie dans le courant de l'année 1767 à Moscou au sénat ses députés de la noblesse, des habitans de villes ou marchands et, où il y en a, des paysans immédiats de l'Empire“ ²⁾. Но всѣ эти факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ не скоро Екатерина остановилась на мысли о всесословности города, нисколько не опровергаютъ эту послѣднюю, ясно выраженную и въ изданномъ „Наказѣ“, и въ приложенномъ къ нему „Обрядѣ выборовъ“.

Противъ всесословности городскихъ выборовъ, противъ утвержденія, что въ нихъ по закону могли принимать участіе всѣ разряды городского населенія, въ томъ числѣ и дворянство, проф. Сергѣевичъ выдвигаетъ еще другое замѣчаніе, именно, что „въ понятіе... города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра Великаго, которое дѣйствовало въ моментъ выборовъ, высшее сословіе не входило“ ³⁾.

¹⁾ Проф. Сергѣевичъ: „Откуда неудачи Екатер. законод. ком.“ *Вѣстн. Евр.* 1878 г., № 1, стр. 201 и „Лекціи и изслѣдованія“, изд. 1, стр. 774. Повтореніе этихъ фактовъ у проф. Латкина, *op. cit.*, стр. 191. М. Липовскій, напечатавшій въ прилож. къ своей ст.: „Комиссія о соч. проекта нов. улож.“ (*Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1887 г., № 6, стр. 244) „примѣрный планъ выборовъ съ замѣчаніями на оный“, случайно найденный имъ въ одной изъ частныхъ библиотекъ, полагаетъ, что этотъ послѣдній является копией съ проекта, выработаннаго названной комиссіей и находящагося въ сенатскомъ архивѣ въ С.-Пб.

²⁾ „Введеніе“ *Н. Д. Чечулина* къ „Наказу“, стр. XXVI.

³⁾ *Вѣстн. Евр.*, 1878 г., № 1, стр. 204.

Но на это мы, вслѣдъ за М. А. Липинскимъ и А. А. Кизеветтеромъ ¹⁾, можемъ возразить, что при выборахъ депутатовъ въ комиссію дѣйствовало не прежнее законодательство Петра, а установленный самой Екатериной въ „Обрядѣ“ новый законъ.

Точно также лишенъ характера опроверженія всесословности выборовъ и доводъ, приводимый проф. Латкинымъ, будто „городскіе выборы такъ же, какъ дворянскіе и крестьянскіе, должны были быть сословными“, такъ какъ это „вполнѣ гармонировало съ сословнымъ духомъ эпохи“ ²⁾. Намъ кажется наоборотъ, что сословному духу эпохи наиболѣе отвѣчали всесословные городскіе выборы. Дѣйствительно, вѣдъ сословность понималась въ XVIII ст., въ частности Екатериной ³⁾, не только какъ увѣренность въ необходимости въ каждомъ обществѣ трехъ ⁴⁾, отдѣленныхъ другъ отъ друга опредѣленными рамками „состояній“, но и какъ признаніе различія ихъ удѣльнаго вѣса, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ отношеніи. Именно, главное значеніе здѣсь предоставлялось дворянству, этой, по выраженію Монтескье, дѣйствительной опорѣ монархіи. Естественно, что, исходя изъ такого пониманія сословности и находясь подъ сильнымъ вліяніемъ окружающихъ лицъ, Екатерина должна была принимать въ расчетъ интересы низшихъ классовъ народа лишь постольку, поскольку они не противорѣчили интересамъ первенствующаго сословія. Такое отношеніе ея проявилось въ цѣломъ рядѣ фактовъ, касающихся комиссіи. Для примѣра укажемъ хотя бы на то, что въ угоду дворянства ей пришлось вычеркнуть многое изъ главы „Наказа“, посвященной крѣпостнымъ крестьянамъ ⁵⁾. Правда, здѣсь она дѣйствовала подъ вліяніемъ окружавшихъ ее представителей знати, напуганныхъ ея слишкомъ яркимъ для тогдашняго времени радикализмомъ въ области крѣпостного права. Но слѣдующій фактъ показываетъ, что дворянскіе интересы защищались ею и добровольно: предоставивъ себѣ право

¹⁾ *Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1887 г., № 7, стр. 209 и *Рус. Бол.*, 1898 г., № 11, стр. 45.

²⁾ „Законод. Комиссія“, „Примѣчаніе“, стр. 3 нумерованная.

³⁾ См. статьи 358, 359 и др. въ XVI гл. „Наказа“.

⁴⁾ Именно, дворянства, „средняго рода людей“ и „хлѣбопашцевъ“ или иначе „земледѣльцевъ“. *Ibid.*

⁵⁾ Въ письмѣ къ Даламберу и своихъ „Запискахъ“ Екатерина писала, что она „зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины“ наказа. Но это — гипербола, такъ какъ изслѣдованіе Н. Д. Чечулина показало, что „сокращенія... коснулись въ значительной степени гл. XI (о крѣпостныхъ крестьянахъ), во всѣхъ же другихъ мѣстахъ они совершенно не существенны“. Введеніе къ „Наказу“, стр. CVII.

утвержденія выборовъ маршала „Большой Комиссіи“ и членовъ „Дирекціонной“, отъ которой зависѣло, въ сущности, все направленіе дѣятельности первой, она воспользовалась имъ, чтобы предоставить эти должности лицамъ высшаго сословія, чего иначе могло бы и не быть, такъ какъ дворянскіе депутаты составляли въ комиссіи меньшинство ¹⁾. Въ виду этого мы не можемъ не признать вѣроятнымъ мнѣніе М. А. Липинскаго, что всесословность городскихъ выборовъ отчасти была вызвана именно „желаніемъ усилить представительство интересовъ дворянскихъ“, особенно въ столицахъ, гдѣ дворянство „въ значительномъ числѣ владѣло домами“ ²⁾.

Наконецъ, неправильность мнѣнія о сословности городскихъ выборовъ видна еще и изъ того, что если признавать, будто сословный духъ эпохи непремѣнно требовалъ сословныхъ выборовъ, то, чтобы быть послѣдовательнымъ, необходимо признать сословными выборы не только отъ городовъ, но и отъ казаковъ и отъ инородцевъ. А между тѣмъ, эти разряды населенія не только не являлись сословіями, но наоборотъ, каждый внутри себя содержалъ зачатки сословныхъ различій.

Установивъ, такимъ образомъ, всесословность городскихъ выборовъ, обозначимъ теперь точнѣе тотъ кругъ избирателей, который былъ указанъ закономъ. Мы уже знаемъ, что всесословные городскіе выборы далеко не являлись всеобщими: принимать участіе въ нихъ имѣло право не все городское населеніе, а только лица, владѣвшія недвижимой собственностью. Но помимо имущественнаго ценза, въ законѣ содержалось и еще нѣсколько ограниченій ³⁾. Прежде всего, онъ разрѣшалъ не выбирать депутата и не присылать наказа городамъ, въ которыхъ число домохозяевъ было меньше 50 (ст. 3). Затѣмъ онъ требовалъ еще, чтобы избиратели были не моложе 25 лѣтъ ⁴⁾. Наконецъ, онъ лишалъ избирательнаго права женщинъ и лицъ, находившихся во время выборовъ въ отлучкѣ или почему либо не имѣвшихъ возможности лично присутствовать на нихъ ⁵⁾. Всѣ эти ограниченія,

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у В. И. Сергѣевича, *op. cit.* *Вѣстн. Евр.*, 1878 г., № 1, гл. образ., стр. 209, 221—2 и 231—2.

²⁾ *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1887 г., № 6, стр. 252.

³⁾ См. П. С. З., т. XVII, № 12801, Положеніе и Обрядъ.

⁴⁾ Это требованіе предъявлено и къ дворянамъ; избиратели же изъ крестьянъ и др. разрядовъ сельскихъ жителей должны были имѣть не менѣе 30 л. отъ роду.

⁵⁾ Дворянкамъ же, а также дворянамъ, владѣвшимъ землями въ разныхъ уѣздахъ, законъ разрѣшалъ подавать голоса письменно: „вездѣ бо имъ самимъ быть не можно“

за исключеніемъ, конечно, установленія имущественнаго ценза, являлись въ общемъ незначительными, такъ какъ съ большей вѣроятностью можно предположить, что ни число женщинъ, самостоятельно владѣвшихъ недвижимостью, ни число домохозяевъ моложе 25 лѣтъ, ни число городовъ, имѣвшихъ менѣе 50 домовъ, не было велико. Развѣ только относительно числа отсутствовавшихъ можно думать, что оно было нѣсколько больше, но и то лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ были такъ называемыя „отъѣзжія службы“.

Но на основаніи одного только знакомства съ закономъ еще преждевременно заключать, что указы являются выраженіемъ нуждъ и пожеланій всего городского населенія, отвѣчавшаго требованіямъ избирательнаго закона. Для утвержденія этого необходимо выяснитъ, всюду ли выборы происходили такъ, какъ это предписывалось „Обрядомъ“, вездѣ ли все населеніе осуществило свои избирательныя права. Поэтому теперь мы и займемся разсмотрѣніемъ выборной практики.

3. Всесловность городскихъ выборовъ на практикѣ.

Прежде всего мы познакомимся съ производствомъ выборовъ въ столицахъ ¹⁾, такъ какъ здѣсь, происходя на глазахъ государыни и сената, которому она поручила высшій контроль за ихъ правильностью, они, безъ сомнѣнія, должны были явиться точнымъ выполненіемъ Обряда. И мы видимъ, что это такъ и было на самомъ дѣлѣ. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ приняло участіе въ выборахъ не только торгово-промышленное сословіе, а всѣ домохозяева, пожелавшіе это сдѣлать. Они выбрали изъ своей среды въ первомъ городѣ 105, въ второмъ 102 „повѣренныхъ“ ²⁾, изъ которыхъ даже значительное большинство оказались дворянами. Изъ лицъ же торгово-промышленнаго сословія въ Петербургѣ попало всего только 20 человекъ, а въ Москвѣ—37 ³⁾. Кромѣ того, изъ дворянства, и при томъ высшаго, были

Ibid, обрядъ, буква В. ст. 7, 8 и 9). Это еще разъ иллюстрируетъ мнѣніе, что интересы дворянства, вольно или невольно, защищались Екатериной II очень стойко.

¹⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. IV, стр. 8—17 о выборахъ въ Петербургѣ и стр. 18—24 о выборахъ въ Москвѣ.

²⁾ Подробности см. въ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. IV. Для крупныхъ городовъ „Обрядъ“ устанавливалъ двустепенные выборы, предоставляя населенію выбрать для избранія депутата „повѣренныхъ“ „не болѣе ста“ (П. С. З., т. XVII, № 12801, Обрядъ, буква Г, ст. 3). На практикѣ, по крайней мѣрѣ, въ столицахъ, число ихъ оказалось почему-то больше требуемаго.

³⁾ Подсчетъ сдѣланъ на основаніи списковъ повѣренныхъ. „Сб. И. Р. И. О-ва“,

выбраны головы и депутаты: въ первомъ головой — петербургскій оберъ-комендантъ генераль-маіоръ Н. И. Зиновьевъ, замѣненный вслѣдствіе отказа по болѣзни гр. А. Г. Орловымъ, избраннымъ затѣмъ и въ депутаты; во второмъ же головой — генераль-квартирмейстеръ, правившій должность генераль-прокурора, кн. А. А. Вяземскій и депутатомъ — генераль-аншефъ кн. А. М. Голицынъ. Точно также представители разныхъ сословій вошли въ комиссію для составленія наказа. По крайней мѣрѣ, въ петербургскую были избраны сенаторъ А. В. Олсуфьевъ, генераль-маіоръ Д. А. Мерлинъ и купцы Г. Никоновъ, С. Галактионовъ (единогласно) и И. Щукинъ. Относительно же московской извѣстно, что въ ней былъ „московскій гражданинъ и сочинитель наказа“, какъ онъ подписался подъ нимъ, полк. А. Волковъ ¹⁾.

На основаніи производства столичныхъ выборовъ, а также нѣкоторыхъ дворянскихъ въ другихъ мѣстахъ, Полѣновъ сдѣлалъ заключеніе, что „выборы вездѣ происходили одинаково“, такъ какъ „въ сущности иначе и быть не могло: всѣ должны были слѣдовать тому порядку, который до мельчайшихъ подробностей былъ обозначенъ въ обрядѣ, изданномъ при манифестѣ“ ²⁾. Но этотъ взглядъ оказался ошибочнымъ, и послѣ того, какъ ближе познакомились съ архивнымъ матеріаломъ, касающимся выборной практики, всѣ изслѣдователи признали эту послѣднюю въ разныхъ мѣстахъ различной. Считая городскіе выборы по закону сословными, проф. Сергѣевичъ и проф. Латкинъ смотрятъ на выборы въ столицахъ, какъ на „отступленіе“ отъ общаго правила ³⁾. При этомъ первый изъ названныхъ ученыхъ объясняетъ это „недостаточной твердостью основныхъ началъ“, съ которыми Екатерина приступила „къ великому дѣлу созванія законодательной комиссіи“, для второго же подобное „отступленіе“ кажется совершенно непонятнымъ, такъ какъ „нѣтъ никакихъ документовъ касательно мотивовъ этого отступленія“.

Наоборотъ, защитники всесословности городскихъ выборовъ считаютъ столичные выборы вполне согласными съ закономъ и приводятъ рядъ фактовъ, указывающихъ, что они далеко не являлись исключеніемъ. Нагляднымъ доказательствомъ этого служатъ прежде

т. IV, стр. 11—15 и 19—23. То же самое у проф. *Латкина*, *op. cit.*, стр. 196—198 и 201—202.

¹⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. XCIII, стр. 134.

²⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. IV, стр. 23.

³⁾ Проф. *Сергѣевичъ*, *op. cit.*, *Вѣстн. Евр.* 1878 г., № 1, стр. 202 и проф. *Латкинъ*, *op. cit.*, стр. 203.

всего выборы въ Малороссіи. Въ Прилукахъ, напримѣръ, присланный для наблюденія за выборами премьеръ-маіоръ Стремоуховъ, „приглася къ себѣ нѣкоторыхъ изъ лучшаго пребывающаго въ городѣ шляхетства и присутствующихъ въ полковой канцеляріи старшинъ, объявилъ имъ, что въ манифестѣ и при ономъ приложенномъ обрядѣ не однимъ мѣщанамъ, но всѣмъ въ городѣ жительствовавшимъ велѣно избрать голову и депутата“. Вслѣдствіе этого какъ въ Прилукахъ, такъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ—Козельцѣ, Лубнахъ, Полтавѣ, Острѣ и т. д.—на ряду съ торгово-промышленнымъ сословіемъ участвовала въ выборахъ и шляхта ¹⁾, что и сообщало избирательной кампаніи тотъ бурный характеръ, который, между прочимъ, повелъ за собой вмѣшательство администраціи. Кромѣ Малороссіи, дворянство явилось на городскіе выборы и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи. Извѣстенъ фактъ, что сенатъ прямо требовалъ участія дворянъ въ выборахъ во всѣхъ городахъ, гдѣ у нихъ были свои дома. И когда, напримѣръ, депутатъ г. Венева, купецъ М. Степановъ, явилъ въ сенатъ свое полномочіе и заявилъ, что въ Вепевѣ, кромѣ купечества, живутъ дворяне, но въ избраніи его они не участвовали, его полномочіе было уничтожено „на основаніи правительствующаго сената того же мая 21-го дня, что въ опубликованномъ о выборѣ депутатовъ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія положеніи повелѣно выбирать депутата отъ жителей каждаго города, а показанный Степановъ выбранъ только отъ одного купечества не сходственно съ силою помянутаго положенія“ ²⁾.

Мы можемъ, въ свою очередь, привести нѣсколько фактовъ, указывающихъ на дѣйствительное участіе дворянъ въ городскихъ выборахъ. Такъ, кромѣ столицъ, депутатами были избраны дворяне еще и въ Новгородѣ—дѣйствительный статскій совѣтникъ директоръ императорской шпалерной мануфактуры А. И. Дебресанъ ³⁾, въ Нерчинскѣ—дворянинъ князь Павелъ Гантимуровъ и въ Якутскѣ—дворянинъ Алексѣй Даниловъ ⁴⁾. Далѣе, дворяне иногда выбирались и въ городскія головы:

¹⁾ См. „Наказы малорос. депутатамъ и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію 1767 г.“ Изд. „Кіевской старины“. Стр. 226—7, 253, 259—68, 285—6 и др.

²⁾ М. Липинскій, *op. cit.*, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1887, № 6, ст. 253.

³⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. СѴІІ, стр. 449 и *Лоншиновъ*, *op. cit.*, *Русск. Вѣстн.*, 1861 г. № 12, Приложение, стр. 24. Почему-то всѣ изслѣдователи не считали Дебресана дворяниномъ, хотя чинъ его неоспоримо доказываетъ его дворянство.

⁴⁾ И этихъ депутатовъ изслѣдователи также не считали дворянами, хотя на ихъ дворянство есть прямое указаніе въ нерчинскомъ и якутскомъ наказахъ. Что же ка-

напримѣръ, въ Пензѣ прошелъ прапорщикъ Илья Григорьевъ ¹⁾, въ Нерчинскѣ дворянинъ Иванъ Епифанцевъ и въ Якутскѣ дворянинъ Алексѣй Новогородовъ ²⁾. Затѣмъ, вопреки категорическому утвержденію проф. Латкина, что подъ наказами великороссійскихъ городовъ нѣтъ ни одной дворянской подписи, „чего бы не могло быть, если бѣ дворяне также принимали участіе“ въ ихъ составленіи ³⁾,—мы нашли нѣсколько такихъ подписей и кромѣ столичныхъ наказовъ и наказовъ сибирскихъ городовъ, гдѣ дворяне приняли въ выборахъ очень замѣтное участіе ⁴⁾. Именно подъ наказами: Переяславля Рязанскаго подписались поручикъ М. Бѣлоглазовъ и три изъ дворянъ сына боярскихъ: К. Андросовъ, А. Марковъ и В. Неретинъ; Ростова — помощникъ казначея, дворянинъ А. Панинъ, дворянинъ С. Карякинъ (безграмотный), архіерейскій дворянинъ И. Сумароковъ и изъ дворянъ вахмистръ П. Карякинъ; Каширы—капраль и помѣщикъ С. Гурьевъ, солдатъ изъ дворянъ И. Евдокимовъ (за обоихъ, по безграмотности ихъ, подписались ихъ дѣти), секундъ-маіоръ П. Петровъ и титулярный совѣтникъ А. Яковичъ; наконецъ, Казани — полковникъ, премьеръ-маіоръ, подпоручикъ и три прапорщика ⁵⁾. Кромѣ этихъ городовъ, подписи поручиковъ, подпоручиковъ и прапорщиковъ находятся еще подъ наказами Вереи, Зарайска, Суздаля, Кронштадта, Пскова, В. Новгорода, Цивильска и Кунгура ⁶⁾. И если всѣ эти оберъ-офицеры происходили не изъ дворянъ, но по чину несомнѣнно были дворяне ⁷⁾.

сается до енисейскаго депутата Самойлова, котораго Шашковъ („Опыты законод. собраній въ Россіи“, *Дѣло*, 1870 г., № 5, стр. 7—8) назвалъ дворяниномъ, то онъ, судя по наказу, не дворянинъ, а купецъ, хотя, какъ это видно изъ протоколовъ за сѣданій комиссіи („Сб. И. Р. И. О-ва“, т. IV, стр. 155—157), онъ являлся защитникомъ, и очень энергичнымъ, не только горожанъ, но и сибирскихъ дворянъ. Привезенный имъ наказъ говорить, что въ его избраніи участвовало не одно купечество, но служилые — такъ называемые „сибирскіе дворяне“ (*ibid.*, стр. 157).

¹⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. CVII, стр. 482.

²⁾ Эти факты заимствованы нами изъ наказовъ Нерчинска и Якутска; указы Сибири въ скоромъ времени появятся въ одномъ изъ томовъ „Сб. И. Р. И. О-ва“.

³⁾ Проф. *Латкинъ*, *op. cit.*, стр. 263, примѣчаніе.

⁴⁾ Подъ наказомъ Тобольска, напр., подписались генераль-маіоръ Яковъ Павлуцкій и нѣсколько капитановъ, поручиковъ, чиновниковъ и дворянъ. Дворяне и сыновья боярскіе подписались также и подъ наказами Иркутска, Енисейска и нѣкоторыхъ другихъ городовъ.

⁵⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. XCIII, № 14 и 31, т. CVII, №№ 42, 61, 76, 83, 89 и 91.

⁶⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. XCIII, №№ 15, 23 и 32 и т. CVII, № 90.

⁷⁾ Петровская табель о рангахъ узаконила, что дослужившійся до перваго

Наконецъ, слѣдуетъ признать дворянскими и нѣсколько подписей канцелярскихъ служащихъ подъ наказами Углича и Костромы, такъ какъ въ этихъ наказахъ защищаются интересы канцеляристовъ дворянъ. Такъ, въ первомъ изъ нихъ читаемъ: „...и впредь дворянамъ и приказныхъ чиновъ людямъ для собственнаго ихъ житья по одному двору имѣть позволить, на какихъ бы земляхъ ни было, дабы всѣ нетягольные разночинцы надежны были тѣми домами владѣть, а особливо судьи и приказные служители, будучи при дѣлахъ и по отставкѣ безъ дворовъ не остались“¹⁾. Во второмъ же содержится просьба объ отмѣнѣ указовъ, которыми „недвижимыхъ имѣній, людей и крестьянъ покупать запрещено“ разнаго рода „канцелярскимъ служителямъ, кои хотя и изъ дворянъ и право свое къ покупкѣ имѣютъ“²⁾.

Незначительное же число городскихъ наказовъ Великороссіи, подъ которыми находятся дворянскія подписи, и этихъ подписей, а также то обстоятельство, что въ выборахъ и составленіи наказовъ въ великоросійскихъ городахъ принялъ участіе лишь самый низшій слой дворянства, объясняется отнюдь не сословностью городскихъ выборовъ. Дѣло въ томъ, что хотя манифестъ 18-го февраля 1762 г. о вольности дворянства въ изучаемое время успѣлъ уже войти въ жизнь, и многіе изъ дворянъ поселились въ провинціи, тѣмъ не менѣе, не говоря уже о знати, и главная масса средняго дворянства попрежнему тянулась на государственную, преимущественно военную службу, въ Петербургъ и Москву или же въ полки на границы имперіи. Въ своихъ же помѣстьяхъ дворяне были только временными гостями. Въ провинціи постоянно жили, въ большинствѣ случаевъ, лишь семейства служившихъ, по чему либо оставшіяся въ своихъ родныхъ гнѣздахъ, да отставные—одни съ надеждой какъ можно скорѣе вырваться отсюда и дать возможность сдѣлать карьеру своимъ дѣтямъ, другіе съ желаніемъ провести вдали отъ шума свои послѣдніе дни. Ни для первыхъ, ни для вторыхъ провинціальныя города не представляли никакого интереса: изъ описаній тогдашнихъ путешественниковъ: Бекмейстера, Лепехина, Палласа и другихъ видно, что большинство ихъ по своему внѣшнему виду, по

оберъ-офицерскаго чина не изъ дворянъ по службѣ военной, вмѣстѣ съ дѣтьми его, рожденными по производствѣ въ чинъ—становился дворяниномъ. Тѣ же самыя права по гражд. службѣ давалъ чинъ коллежскаго ассессора. *Романовичъ-Словатинскій*. „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права“. С.-Пб. 1870 г., стр. 20 и 21.

¹⁾ Ibid., т. XCIII, № 8, стр. 174—5.

²⁾ Ibid., № 40, стр. 573—4.

экономическому и культурному значенію мало чѣмъ отличалось отъ деревень. Немошныя улицы и ветхіе мосты, деревянные, крытыя соломой избы, гдѣ помѣщались даже общественныя учрежденія, напримѣръ, магистратъ, жалкіе постоянные дворы, отсутствіе школъ, аптекъ, докторовъ, часто даже постояннаго рынка — вотъ обычные черты города того времени ¹⁾. Понятно, что дворяне предпочитали оставаться въ своихъ имѣніяхъ, занимаясь хозяйствомъ и развлекаясь охотой, чѣмъ жить въ городахъ. Не имѣя никакого культурнаго значенія, послѣдніе еще не были для нихъ и центромъ хотя бы временнаго пребыванія, такъ какъ необходимость въ немъ появилась лишь во вторую половину царствованія Екатерины, когда сложились мѣстныя дворянскія общества ²⁾. Въ городахъ жили лишь тѣ изъ дворянъ, кто служилъ воеводами, да тѣ, кого бѣдность гнала на службу въ канцелярію или военныя команды. Но такихъ было немного, такъ какъ, во-первыхъ, мѣста низшихъ канцелярскихъ служащихъ занимали обыкновенно дѣти канцеляристовъ же, во-вторыхъ, число этихъ служащихъ было очень невелико — вѣдь система сколько-нибудь сложныхъ мѣстныхъ учреждений, требовавшихъ большого штата чиновниковъ, можно сказать, была создана только при Екатеринѣ II, а до нея въ городахъ находились всего лишь ратуша или магистратъ и воеводская канцелярія ³⁾. Вотъ почему въ городахъ число дворянъ-домовладѣльцевъ было очень невелико ⁴⁾.

Помимо этого, слабое участіе дворянъ въ городскихъ выборахъ, возможно объяснять еще, съ одной стороны, тѣмъ, что они были совершенно довольны своими выборами, которые давали имъ всѣ средства провести въ полной мѣрѣ свои сословные интересы, съ другой — нежеланіемъ участвовать въ одномъ дѣлѣ наравнѣ съ горожанами. Вѣдь если въ столицахъ дворянство, главнымъ образомъ, высшее, пошло на городскіе выборы и даже, чтобы не выдѣляться изъ массы

¹⁾ Н. Д. Чечулинъ. „Русск. провинц. общество во второй пол. XVIII в.“ С.-Пб. 1889 г., стр. 27—29.

²⁾ Можно предполагать, что болѣе раннимъ значительнымъ толчкомъ, заставившимъ дворянство селиться хотя бы временно въ городахъ и для этого заводить въ нихъ дома, послужила пугачевщина.

³⁾ М. Ф. Владимірскій-Будановъ. „Обзоръ исторіи русск. права“. Кіевъ. 1905 г., изд. 4, стр. 263—70.

⁴⁾ Это прекрасно видно изъ „Описанія московской губ. 1775 г.“ Что же касается до городовъ др. губерній, то можно предположить, что въ нихъ число дворянскихъ домовъ было еще меньше, такъ какъ главная масса дворянства жила именно въ Московской губ.

мѣщанъ, одѣлось въ скромные костюмы, то это было исключеніемъ, и притомъ единственнымъ. Рядовые же дворяне такого „либерализма“ не раздѣляли. Къ городскому жителю—купцу и канцеляристу—они относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ и брезгливостью, какъ свидѣтельствуя объ этомъ Болотовъ, Челищевъ и другія современники ¹⁾. Извѣстно, что даже нѣкоторые дворянскіе депутаты были крайне недовольны, что имъ приходится засѣдать въ комиссіи вмѣстѣ съ представителями „подлыхъ“ сословій.

Но если участіе дворянства въ городскихъ выборахъ было мало замѣтнымъ, зато другіе элементы городского населенія, а не только одни „посадскіе“, отнеслись къ нимъ съ очень дѣятельнымъ сочувствіемъ. Его проявило особенно мелкое чиновничество—канцелярскіе служители, разсылщики и чины военныхъ командъ, участвовавшіе, какъ это видно изъ подписей подъ наказами, въ выборной кампаніи въ 44 городахъ вышеуказанныхъ шести губерній, а именно въ Московской губерніи: въ Дмитровѣ, Москвѣ, Коломнѣ, Костромѣ, Серпуховѣ, Веневѣ, Вереѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ, Ярославлѣ, Ростовѣ, Зарайскѣ, Каширѣ, Кашинѣ, Крапивнѣ, Владимірѣ, Угличѣ, Епифани, Суздальѣ, Мосальскѣ, Бѣжецкомъ Верхѣ, Калугѣ, Кинешмѣ, Рыбной Слободѣ, Михайловѣ и Переяславлѣ Залѣскомъ; въ Петербургской губерніи: въ Петербургѣ и Шлиссельбургѣ; въ Новгородской губерніи: во Псковѣ, Устюжнѣ Желѣзопольской и В. Новгородѣ; въ Казанской губерніи: въ Самарѣ, Пензѣ, Цивильскѣ, Казани, Кунгурѣ, Симбирскѣ, Свіяжскѣ, Чебоксарахъ и Сарайскѣ; въ Архангелогородской губерніи: въ Галичѣ, Парфеньевѣ и Сольвычегодскѣ ²⁾, наконецъ въ Нижегородской губерніи: въ Н. Новгородѣ, Балахнѣ и Арзамасѣ. Нѣтъ чиновничьихъ подписей подъ наказами лишь болѣе или менѣе незначительныхъ городовъ, гдѣ жили по всей вѣроятности сплошь одни посадскіе. Убѣдиться въ этомъ можно изъ сравненія только что приведеннаго списка городовъ съ тѣмъ, который находится въ книгѣ А. А. Кизеветтера и относится къ 1762—1763 гг. ³⁾. Оказывается, что чиновничество не участвовало на выборахъ, большею частію, въ тѣхъ городахъ, численность населенія которыхъ не превышала 500 душъ.

¹⁾ Н. Д. Чечулинъ, *op. cit.*, стр. 28—29 и 84.

²⁾ Нѣкоторые изъ перечисленныхъ городовъ, гдѣ участвовало въ выборахъ мелкое чиновничество, впервые были указаны Н. Д. Чечулинымъ, пересмотрѣвшимъ 40 наказовъ Московской губерніи, напечатанныхъ въ ХСІІ т. „Сборника И. Р. И. О-ва“ (см. его рецензію на этотъ томъ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1895 г., № 2, стр. 436).

³⁾ „Посадская община въ Россіи XVIII ст.“, стр. 416—21.

По крайней мѣрѣ, это было общимъ правиломъ для самой большой изъ изучаемыхъ губерній—Московской ¹⁾.

При этомъ въ нѣкоторыхъ городахъ чиновничество было лишено участія въ выборахъ или самими жителями, или администраціей. Первый случай имѣлъ мѣсто, на примѣръ, въ Зарайскѣ, гдѣ, какъ видно изъ донесенія мѣстнаго воеводы, „приказные служители, ундеръ-офицеры и солдаты, свои дворы имѣющіе, на выборахъ не были; къ тому не согласовали зарайскіе жители, купечество, разумѣя, что приказные служители и солдаты, хотя дворы свои и имѣютъ, но они, какъ не вѣчные жители и не имѣвъ никакихъ торговъ, ремесловъ и промысловъ, а единственно обращаются при своихъ должностяхъ, участія въ градскихъ надобностяхъ не имѣютъ“ ²⁾. Второй же случай произошелъ въ Клинѣ, гдѣ воевода понялъ 5 ст. обряда въ томъ смыслѣ, что въ городскихъ выборахъ должно принимать участіе лишь одно торгово-промышленное населеніе. А въ виду того, что такового въ Клинѣ не оказалось, онъ не допустилъ къ выборамъ ни приказныхъ, ни солдатъ, а донесъ губернатору, что купечества въ городѣ нѣтъ, а потому и некому выбирать депутата ³⁾. А что подобныя дѣйствія со стороны какъ жителей, такъ и мѣстныхъ властей были незаконны, можно видѣть изъ того, что выборы, гдѣ чиновничество не участвовало, когда извѣстія о нихъ доходили до сената, считались имъ неправильными и кассировались. Такъ произошло съ выборами въ Каширѣ, Епифани, Калугѣ и Зарайскѣ ⁴⁾.

Наряду съ мелкимъ чиновничествомъ, въ избирательной кампаніи участвовали и другія группы горожанъ и прежде всего разнаго рода „крестьяне“—однодворцы, старыхъ служебъ служилые люди, содержащіе ландмилицію, крестьяне экономического вѣдомства и черносошные, пахатные солдаты, т. е. всѣ тѣ, кого проф. Латкинъ называетъ „избирателями третьяго разряда“ и относительно которыхъ онъ утверждаетъ, что они „не принимали участія въ городскихъ выборахъ, хотя бы и являлись домовладѣльцами и занимались торговлей и промышленностью, что бы непременно должно было имѣть мѣсто, разъ существовала всеобщность городскихъ выборовъ и разъ въ этомъ направленіи

¹⁾ Она одна выслала 58 городскихъ депутатовъ. *Ломиновъ*, *op. cit.*, *Русск. Вѣстн.*, 1861 г., № 12, Приложение, стр. 15—19.

²⁾ *М. Липинскій*, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 257.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 254 и 256.

слѣдовало толковать 5 ст. обряда“¹⁾. Но это утвержденіе уже опровергнуто Н. Д. Чечулинымъ, доказавшимъ участіе указанныхъ разрядовъ населенія въ трехъ городахъ Московской губерніи—Серпуховѣ, Кашинѣ и Угличѣ²⁾. Этотъ перечень мы можемъ удлинить еще Переяславлемъ Залѣскимъ и Чебоксарами, наказы которыхъ, подписанные представителями названныхъ разрядовъ населенія, содержатъ въ себѣ ихъ нужды и желанія³⁾. И безъ сомнѣнія, они явились бы на выборы въ гораздо большемъ числѣ городовъ, если бы не воспрепятствовала этому опять-таки администрація. Именно, когда нѣкоторые воеводы обратились къ московскому губернатору за разъясненіемъ, слѣдуетъ ли допустить разночинцевъ, посылавшихъ депутата отъ провинціи, и къ городскимъ выборамъ, онъ каждому изъ нихъ отвѣтилъ: „отъ градскихъ жителей въ головы, а прежнихъ службъ отъ служивыхъ людей повѣренныхъ выборъ учинить на основаніи обряда во всемъ безъ опущенія подѣ опасеніемъ, ежели что учинено будетъ невсходно онаго, неупустительнаго штрафа, о чемъ ему, воеводѣ, представлять и, имѣя точное повелѣніе, указъ на указъ требовать не надлежало, понеже по обряду точно повелѣно городского голову выбрать отъ градскихъ жителей всякому хозяину, дѣйствительно дому въ городѣ имѣющему, а отъ пахатныхъ солдатъ и другого званія людей—повѣренныхъ, которые и должны уже выбирать провинціального депутата“⁴⁾. Вотъ почему эти „разночинцы“ не приняли участія въ выборахъ ни въ Козельскѣ, ни въ Ярославлѣ, ни во многихъ другихъ городахъ Московской губерніи⁵⁾. Подобное толкованіе губернаторомъ обряда, очевидно, неправильное, лишній разъ свидѣтельствуетъ о далеко неодинаковомъ отношеніи екатерининскаго правительства къ интересамъ различныхъ классовъ населенія. Кромѣ того, фактъ рѣдкаго участія названныхъ разрядовъ горожанъ, конечно, объясняется еще и тѣмъ, что они, подобно дворянству, предпочитали участвовать въ своихъ особыхъ выборахъ, гдѣ могли полнѣе, безъ всякихъ трений, осуществить свои желанія.

Помимо чиновничества и разночинцевъ, въ составъ городскихъ обывателей, въ широкомъ смыслѣ этого слова, входили еще духовенство и причтъ. Извѣстно, что это сословіе, какъ цѣлое, было лишено

¹⁾ Проф. Латкинъ, *op. cit.*, стр. 3 нenumerованная въ „Примѣчаніи“.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1895 г., № 2, стр. 437—8.

³⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. CVII, №№ 55 и 97.

⁴⁾ М. Липинскій, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887, № 6, стр. 255.

⁵⁾ *Ibid.*

Екатериной особаго представительства въ комиссіи, такъ какъ государыня, съ одной стороны, — пользуемся выраженіемъ проф. Сергѣевича, —слишкомъ „дорожила добрымъ мнѣніемъ Вольтера“¹⁾, съ другой — не желала встрѣтить въ лицѣ его депутатовъ оппозиціоннаго настроенія, которое создалось въ немъ подъ вліяніемъ недавнихъ распоряженій о церковныхъ имуществвахъ. Но лишеныя по закону избирательныхъ правъ въ качествѣ сословія, представители духовенства все же приняли участіе въ выборахъ, именно городскихъ, и при томъ на законномъ основаніи, какъ домовладѣльцы. На это послѣднее наши изслѣдователи почему-то не обратили вниманія и хотя признавали фактъ участія духовенства на выборахъ, но считали его „незаконнымъ“. Такъ смотритъ на дѣло, на примѣръ, проф. Латкинъ, отмѣтившій два случая несомнѣннаго участія священно- и церковно-служителей въ городскихъ выборахъ: въ Угличѣ и Старомъ Санжаровѣ, наказы которыхъ подписаны священно- и церковно-служителями и заключаютъ въ себѣ ихъ пожеланія. „Во многихъ же остальныхъ наказахъ, — говоритъ онъ, — хотя подписей членовъ духовенства и нѣтъ, но въ нихъ чувствуется ихъ скрытое вліяніе, такъ какъ наказы говорятъ объ ихъ нуждахъ. Такъ, на примѣръ, въ наказѣ города Верси констатируется фактъ обѣдненія церквей, вслѣдствіе развитія раскола, и высказывается желаніе о прекращеніи подобнаго порядка вещей; въ наказѣ города Крапивны обращается вниманіе правительства на то, что церковные служители „несутъ крайнюю нужду и недостатки“ вслѣдствіе „малоимѣнія церковной земли“²⁾. Но Н. Д. Чечулинъ показалъ, что здѣсь совершенно не къ чему предполагать „скрытаго вліянія“ духовенства: первый наказъ подписанъ 18-ью его представителями, второй же 9-ью³⁾.

На основаніи подписей, мы можемъ назвать еще слѣдующіе города, гдѣ духовенство участвовало въ выборахъ и составленіи наказовъ: Дмитровъ, Перемышль, Бѣжецкій Верхъ, Молога, Рыбная Слобода, Порховъ, Тверь, Устюжна Желѣзопольская и В. Новгородъ⁴⁾. И, конечно, этотъ списокъ былъ бы длиннѣе, если бы опять-таки мѣстная правительственная власть, можетъ быть, подъ вліяніемъ давленія свыше,

¹⁾ Проф. Сергѣевичъ, *op. cit.*, *Вѣстн. Евр.*, 1878 г., № 1, стр. 200.

²⁾ Проф. Латкинъ, *op. cit.*, стр. 192.

³⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1895 г., № 2, стр. 436.

⁴⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. ХСІІІ, №№ 2 и 7, т. СVІІ, №№ 45, 47, 53, 69, 79, 81 и 83. Мы опустили въ этомъ перечнѣ Погорѣлово Городище, гдѣ священникъ подписался не за себя, а за одного изъ избирателей, по его просьбѣ.

не ставила препятствій для участія духовенства въ выборахъ и притомъ участія, какъ мы замѣтили выше, совершенно законнаго — въ качествѣ домохозяевъ. Такъ, напримѣръ, епифанскій воевода и бургомистръ Рыбной Слободы полагали, что духовные могутъ осуществить свое избирательное право лишь съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, о чемъ оба и донесли губернатору, прося его войти въ сношенія съ послѣднимъ. Но онъ, тоже раздѣляя, повидимому, точку зрѣнія воеводы и бургомистра, не предпринялъ никакихъ шаговъ, чтобы дать духовенству возможность принять участіе въ выборахъ, на томъ основаніи, что ему неизвѣстно, хочетъ ли оно этого или нѣтъ ¹⁾.

Но само собой разумѣется, что главную категорію городскихъ избирателей въ Великороссіи составляли не только что указанные разряды горожанъ, а торгово-промышленное сословіе. Судя по подписямъ, а также по содержанію наказовъ, оно приняло участіе въ выборахъ каждаго города. Тѣ же данныя — подписи и содержаніе наказовъ — позволяютъ точнѣе опредѣлить социальный составъ этого слоя городского населенія. Именно, въ немъ можно различать четыре группы: 1) купечество, 2) цеховыхъ, 3) ремесленниковъ и рабочихъ и 4) фабрикантовъ. При этомъ послѣдніе, какъ особая группа, выступили на выборахъ лишь въ Костромѣ и Угличѣ ²⁾, гдѣ, избравъ общихъ съ другими разрядами населенія депутатовъ, тѣмъ не менѣе въ наказы внесли свои спеціальныя нужды и пожеланія, шедшія въ разрѣзъ съ интересами остальныхъ избирателей. Въ большинствѣ же другихъ городовъ они терялись въ массѣ купечества и не могли выразить въ наказахъ ничего специфически своего.

Что касается до ремесленниковъ и рабочихъ — обывателей слободъ, — то имъ удалось осуществить свои избирательныя права въ Серпуховѣ, Тулѣ, Ростовѣ, Кашинѣ, Угличѣ и Переяславлѣ Залѣсскомъ ³⁾. Подписи и содержаніе наказовъ отъ этихъ городовъ говорятъ, что въ ихъ составленіи участвовали ямщики, кирпичники, оружейники, кузнецы, садовники, сокольи помытчики и т. п. ремесленные и рабочіе люди.

Тѣ же данныя указываютъ на участіе цеховыхъ въ выборахъ и составленіи наказовъ въ Алатыри, Норской слободѣ, Калугѣ ⁴⁾, Осташ-

¹⁾ М. Литинскій, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 253—4.

²⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. ХСІІІ, №№ 8 и 40.

³⁾ *Ibid.*, т. СХІІІ, №№ 10, 16, 23, 33 и 40 и т. СVІІ, № 55.

⁴⁾ Хотя наказы отъ этихъ двухъ городовъ подписаны лицами безъ указанія ихъ общественнаго положенія, но среди нихъ, безъ сомнѣнія, есть и цеховые, такъ какъ

ковѣ, Олонцѣ, Самарѣ, Пензѣ, Симбирскѣ, Чебоксарахъ и Саранскѣ¹⁾. Кромѣ того, если основываться исключительно на одномъ содержаніи наказовъ, то слѣдуетъ признать участіе цеховыхъ въ ихъ составленіи еще въ слѣдующихъ городахъ: Арзамасѣ, Ярославлѣ, Нерехтѣ, Угличѣ, В. Лукахъ, Торопцѣ, Псковѣ, В. Новгородѣ, Козьмодемьянскѣ и Свіяжскѣ²⁾, такъ какъ, хотя подъ ихъ наказами и нѣтъ подписей цеховыхъ³⁾, но въ нихъ защищаются также интересы послѣднихъ. А что въ этихъ городахъ дѣйствительно жили цеховые, можно видѣть изъ доставленной отдѣльными посадами въ комиссію и коммерціи 1764 г. вѣдомости, которая приведена въ книгѣ А. А. Кизеветтера⁴⁾.

Наконецъ, послѣдняя и самая обширная группа городскихъ избирателей — купечество — участвовала въ выборахъ и составленіи наказовъ положительно въ каждомъ городѣ. Нѣтъ ни одного наказа, большая часть котораго не была бы посвящена нуждамъ и стремленіямъ именно этого слоя торгово-промышленнаго населенія, давшего къ тому же изъ своей среды и большинство депутатовъ. Такъ, въ Московской губерніи было избрано въ депутаты 50 купцовъ, а изъ другихъ жителей всего лишь 5 канцелярскихъ служащихъ: отъ Переяславля Рязанскаго, Крапивны, Углича, Бѣжецкаго Верха и Переяславля Залѣскаго, 1 дворянинъ отъ Москвы, 1 публичный нотаріусъ отъ Епифани и одинъ мастеръ отъ тульскихъ слобожанъ, выбиравшихъ своего, особаго отъ купцовъ, депутата; въ Петербургской — 2 купца и 1 дворянинъ отъ Петербурга; въ Новгородской — 19 купцовъ и дѣйств. ст. сов. Дебресанъ отъ Новгорода; въ Казанской губерніи — 15 купцовъ, 1 татаринъ отъ Казани, 1 канцеляристъ отъ Свіяжска и 1 однодворецъ отъ того же города; наконецъ, въ Нижегородской губерніи — всѣ 7 депутатовъ изъ купцовъ⁵⁾.

Такимъ образомъ, избирательный законъ и избирательная практика ясно указываютъ, что къ выборамъ и составленію наказовъ призвано было и дѣйствительно участвовало въ нихъ не одно только торгово-промышленное сословіе, а всякіе разряды горожанъ.

въ нѣкоторыхъ статьяхъ этихъ наказовъ между прочимъ, защищаются и интересы послѣднихъ.

¹⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. ХСІІІ, № 17 и т. СVІІ, №№ 50, 80, 82, 84, 85, 90, 93, 97 и 99.

²⁾ Ibid., т. ХСІІІ, №№ 22, 37 и 40 и т. СVІІ, №№ 73, 74, 76, 83, 87 и 95.

³⁾ Эти наказания подписаны лицами безъ обозначенія ихъ общественнаго состоянія.

⁴⁾ „Посадская община“, стр. 165—168.

⁵⁾ См. „Списокъ гг. депутатамъ“ въ *Русск. Вѣст.*, 1861 г., № 12, Приложение.

Теперь мы рассмотримъ, насколько свободно они могли проявить свою волю, и не было ли оказано на нее давленіе со стороны правительства. Выяснить это является чрезвычайно важнымъ для рѣшенія вопроса о томъ, дѣйствительно ли отразилось въ наказахъ истинное настроеніе городского населенія, отъ лица котораго они были доставлены въ комиссію.

С. Вознесенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРИИ ЛЮБОВНЫХЪ ТЕОРИЙ РОМАНСКАГО СРЕДНЕ- ВѢКОВЬЯ.

Какъ въ ранней, такъ и въ поздней лирикѣ Франціи и Прованса любовь занимаетъ центральное мѣсто. Тема была завѣщана традиціей. Но не только тема; взгляды на любовь, ея оцѣнка во вторую половину среднихъ вѣковъ связаны тѣснѣйшимъ образомъ съ соответствующими воззрѣніями предшествующей эпохи.

Сущность этихъ традиціонныхъ воззрѣній опредѣляется превосходно терминомъ *domnei—donnei*, обозначающимъ службу госпожѣ въ феодальномъ смыслѣ этого слова. *Domnei—donnei* заслонилъ собою *amor*, человѣческое чувство со всеми его земными и неземными оттѣнками, торжество котораго имѣли, въ сущности, въ виду палладины дамы. Побѣда, одержанная ими, была рѣшительной, но они заплатили за нее дорогой цѣной.

Борьба за любовь выросла на почвѣ ненормально сложившагося средневѣковаго брака, являвшагося, по справедливому выраженію Verpon Lee ¹⁾, простой „феодальной необходимостью“ и не дававшего въ силу этого въ огромномъ большинствѣ случаевъ душевнаго удовлетворенія вступавшимъ въ него ²⁾. Бракъ—сдѣлка; слѣдовательно, истинная любовь внѣ брака. Гдѣ же искать ее? Античный міръ создалъ гетеру. Но средневѣковое общество было слишкомъ сословнымъ и слишкомъ мало образованнымъ, чтобы пойти этимъ путемъ. Любовь къ дѣвушкѣ не рѣшала вопроса, такъ какъ дѣвушка разсматривалась исключительно, какъ объектъ брака, и до этого рѣшавшаго ея судьбу момента сидѣла взаперти. Оставался путь, который велъ къ дамѣ,

¹⁾ *Euphorion*, т. II: *The medieval love*.

²⁾ Ср. также Fauriel, *Hist. de la poésie prov.*, II, 1846, т. I, стр. 497.

ГОРОДСКІЕ ДЕПУТАТСКІЕ НАКАЗЫ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ КОМИССИЮ 1767 ГОДА ¹⁾.

4. Отношеніе къ городскимъ выборамъ правительства.

Каково же было отношеніе правительства къ выборамъ? Здѣсь необходимо различать два момента: отношеніе къ нимъ, во-первыхъ, верховной власти, во-вторыхъ, какъ центральной, такъ и мѣстной администраціи.

Принявшись за „громадное предпріятіе законодательства“, Екатерина, какъ намъ уже извѣстно, стремилась приноровить его къ „народному умствованію“. Своимъ обращеніемъ къ населенію она желала, — говоритъ Шашковъ, — „узнать духъ, направленіе и силу разныхъ сословіи, отыскать въ нихъ наиболѣе прочную основу для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, примѣрить свой чисто-теоретическій либерализмъ къ дѣйствительнымъ отношеніямъ русской жизни“ ²⁾. Вслѣдствіе этого, для нея было крайне важнымъ предоставить народу полную свободу проявить свое „умствование“ какъ въ выборѣ депутатовъ, такъ и въ составленіи наказовъ, тѣмъ болѣе, что такая свобода не могла повлечь за собой для правительства ни опасностей, ни даже непріятностей.

Правительство и общество — крѣпостныхъ крестьянъ мы исключаемъ изъ этого понятія—въ Россіи со второй четверти XVIII вѣка шли рука объ руку. Никакихъ серьезныхъ треній, никакихъ крупныхъ недоразумѣній и разногласій между ними не было. Первое, считая себя совершенно независимымъ отъ народной воли, тѣмъ не менѣе всегда стояло на стражѣ интересовъ главныхъ слоевъ общества—дворянства и отчасти купечества; второе, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Продолженіе. См. ноябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1909 годъ.

²⁾ „Опыты законодательныхъ собраній въ Россіи“. *Дѣло*, 1870 г., № 5, стр. 5.

въ лицѣ этихъ группъ, было вполне довольно имъ. Какъ то, такъ и другое одинаково признавали незыблемыми двѣ основы тогдашняго уклада социально-политической жизни — самодержавіе и сословность. Немудрено поэтому, что „вѣра въ благія намѣренія верховной власти,— говоритъ проф. Сергѣевичъ,— была преобладающимъ чувствомъ населенія того времени“¹⁾. Ее раздѣляли даже подавленные экономически и политически народные низы—крѣпостные и заводскіе крестьяне: въ самые острые періоды борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, въ разгаръ возстаній и бунтовъ, они съ надеждой обращали свои взоры къ престолу.

О дворянствѣ же, горожанамъ и свободномъ крестьянствѣ и говорить нечего. Эти слои народа, какъ указываетъ названный изслѣдователь, „исключительно стояли на почвѣ дѣйствующаго права и были озабочены лишь его утвержденіемъ и охраненіемъ“²⁾. А вѣдь только этимъ группамъ и предоставлялись избирательныя права, такъ какъ къ участию въ предстоящей законодательной работѣ Екатерина не допустила не только крѣпостныхъ, которые могли внести слишкомъ сильную струю классового антагонизма, но и духовенство, которое питало тогда стремленія, довольно рѣзко расходившіяся съ видами правительства. Кромѣ того, свобода выборовъ не представляла бы никакой опасности и въ томъ случаѣ, если бы какими-нибудь судьбами выбранные населеніемъ депутаты оказались слишкомъ проникнутыми духомъ новаторства: во-первыхъ, комиссія 1767 г. представляла собой не законодательное собраніе, а законосовѣщательное: ей поручалась всего только выработка „проекта новаго уложенія“, утвержденіе котораго принадлежало верховной власти; во-вторыхъ, эта комиссія была временнымъ учрежденіемъ, и существованіе ея зависѣло всецѣло отъ желанія императрицы³⁾.

Такимъ образомъ, намѣреніе узнать истинные „нужды и недостатки“ населенія, устраненіе отъ выборовъ тѣхъ группъ его, въ средѣ которыхъ можно было встрѣтить оппозиціонное настроеніе, совѣщательный и временный характеръ комиссіи—все это побуждало императрицу дать избирателямъ полную возможность откровенно высказаться. И дѣйствительно, слова манифеста, что „симъ учрежденіемъ нашему народу

¹⁾ *Вѣсти. Евр.*, 1878 г., № 1, стр. 217—218.

²⁾ *Ibid.*, стр. 219.

³⁾ Въ именномъ указѣ 14-го декабря 1766 г. объ учрежденіи комиссіи уже заранѣе было оговорено, что депутаты „распущены быть имѣютъ по нашему усмотрѣнію“, а не по окончаніи, на примѣръ, работъ. П. С. З., т. XVII, № 12801.

опытъ даемъ нашего чистосердечія, великія довѣренности къ оному и прямыя материнскія любви“¹⁾, не являются только красивой фразой. При выборахъ въ комиссію не было и помину ни о тайномъ предписаніи мѣстнымъ властямъ оказывать давленіе на избирателей, ни о подкупахъ депутатовъ, ни объ официальной программѣ, навязываемой населенію, однимъ словомъ, ни объ одной изъ тѣхъ мѣръ, къ какимъ часто прибѣгаютъ въ наши дни правительства конституціонныхъ странъ. И Екатерина не ошиблась въ своемъ расчетѣ: исторія едва ли знаетъ другой примѣръ, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Сергѣевичъ, чтобы собраніе народныхъ представителей было проникнуто столь большою умѣренностью, какъ комиссія 1767 г.²⁾

Разсмотримъ же, насколько желаніе императрицы было осуществлено какъ мѣстной, такъ и центральной администраціей. По мысли Екатерины³⁾ роль мѣстной администраціи въ городскихъ выборахъ ограничивалась разъясненіемъ населенію избирательнаго механизма и наблюденіемъ за точнымъ выполненіемъ обряда выборовъ. По полученіи манифеста, начальникъ города долженъ былъ потребовать отъ ратушъ и магистратовъ списки избирателей, назначить день и мѣсто для избранія городского головы, смотря, чтобы оно происходило „съ учтивостью, тихостью и безмолвіемъ“, и послѣ этого въ выборы уже „не мѣшаться“. При этомъ, всякія „примѣтки и притѣсненія“, „ненавистная мзда и лихоимство“ запрещаются подъ угрозой „неминуемаго гнѣва“ императрицы. Таковы предписанія мѣстнымъ властямъ, заключающіяся въ самомъ обрядѣ. Кроме того, Екатерина повторяетъ то же самое и въ указѣ губернаторамъ: „Всѣмъ же подчиненнымъ вашимъ,—читаемъ въ немъ,—вы въ семъ случаѣ наикрѣпчайше подтвердите, чтобы воздержались, какимъ бы то ни было образомъ, во зло иль въ собственную ненавистную корысть, обратить свое дѣло, подъ опасеніемъ неминуемыхъ тягости законнаго наказанія“.

Желая по возможности скорѣе видѣть депутатовъ въ Москвѣ, императрица предоставила общій контроль за правильностью выборовъ и самыя широкія полномочія для рѣшенія всѣхъ „сомнительствъ“, какія могутъ встрѣтиться при примѣненіи „обряда“, не сенату, а начальникамъ губерній. Такимъ путемъ она хотѣла предотвратить замедленія, которыя возникли бы отъ переноса дѣлъ о выборахъ въ столицу. Въ 9 ст. указа, при которомъ были разосланы по губер-

¹⁾ П. С. З., т. XVII, № 12801.

²⁾ *Вѣстн. Европы*, 1878 г., № 1.

³⁾ П. С. З., т. XVII, № 12801. Положеніе, обрядъ и указъ губернаторамъ.

ніямъ манифестъ и обрядъ выборовъ, императрица обращается къ губернаторамъ: „Есть ли же при выборахъ какія ни есть въ обрядахъ нашлись сомнительства, то дается вамъ дозволеніе, не переписываясь уже болѣе съ высшимъ мѣстомъ, рѣшить и опредѣлить по лучшему вашему усмотрѣнію то, что къ порядочному производству сего дѣла полезно, и тѣмъ самымъ исполнить нашу волю“. Но несмотря на это, какъ показалъ М. А. Липинскій, многія дѣла все же восходили на разсмотрѣніе сената, и по нѣкоторымъ изъ нихъ требовалось даже законодательное рѣшеніе. Кромѣ того, иногда на выборы, именно, городскіе, оказывалъ вліяніе и главный магистратъ.

Теперь возникаетъ вопросъ, смогла ли верховная власть сообщить свою добрую волю какъ центральнымъ, такъ и мѣстнымъ административнымъ органамъ? Относительно сената можно признать, что въ общемъ онъ стоялъ на почвѣ закона. Когда при повѣркѣ депутатскихъ полномочій онъ замѣчалъ, что тотъ или иной депутатъ выбранъ не всѣми группами горожанъ, то иногда предписывалъ произвести новые выборы. На этомъ основаніи, на примѣръ, были кассированы имъ выборы въ Веневѣ, гдѣ не участвовали дворяне, въ Зарайскѣ, купечество котораго устранило отъ избранія депутата приказныхъ и солдатъ, въ Каширѣ, Епифани и Калугѣ, гдѣ также не участвовали эти послѣдніе ¹⁾. Зато въ другомъ отношеніи сенатъ отступалъ отъ буквы закона и толковалъ его довольно широко. Такъ, несмотря на категорическое требованіе обряда, чтобы каждый городъ выбиралъ не болѣе одного депутата, онъ утверждалъ и нѣсколько ихъ отъ одного и того же города, на примѣръ, отъ Казани двухъ, Тулы двухъ ²⁾, отъ Свіязска двухъ, отъ Астрахани пять, отъ Саратова пять и т. д. ³⁾. Точно также онъ, большею частью, признавалъ полномочія и за депутатами, выбранными слободами, хотя по обряду слободы не имѣли избирательныхъ правъ. Такъ, онъ утвердилъ въ депутатскомъ званіи Семена Еболдина, избраннаго противъ его воли Борисоглѣбской слободой и всячески отказывавшагося отъ чести быть ея представите-

¹⁾ М. А. Липинскій, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 253, 257 и 259.

²⁾ Второй депутатъ отъ Тулы, выбранный Тульской оружейной слободой, утвержденъ въ своемъ званіи по особому повелѣнію Екатерины „въ разсужденіе отъиной государственной пользы, производимой сею слободою“. М. Липинскій, *op. cit.*, стр. 263—4.

³⁾ См. „Списокъ гг. депутатамъ“ въ *Русск. Вѣстн.*, 1861 г., № 12, Приложение.

лемъ въ комиссіи. То же самое было сдѣлано имъ и по отношенію къ депутату Норской слободы, полномочія котораго герольдмейстерская контора отказалась признать ¹⁾, а также по отношенію къ депутатамъ Вязниковской слободы, пригорода Нерехты, Мологи, Соли Большой, Рыбной и Борисоглѣбской слободъ, какъ это видно изъ того, что депутаты этихъ мѣстъ засѣдали въ комиссіи ²⁾. Не было почему-то отмѣнено сенатомъ лишь постановленіе герольдмейстерской конторы относительно лишенія депутатскихъ полномочій скопинскаго представителя, который поэтому и не попалъ въ комиссію ³⁾, несмотря на то, что скопинцы отстаивали свои избирательныя права съ большой энергіей. Конечно, хотя такая дѣятельность сената и выходила за предѣлы точнаго соблюденія закона, но зато она способствовала лишь тому, что представительство отъ городовъ становилось шире, чѣмъ было опредѣлено „обрядомъ выборов“.

Къ сожалѣнію, многіе спорные вопросы избирательной практики не доходили до сената, а иногда рѣшались главнымъ магистратомъ, губернаторомъ или даже воеводой. Относительно вмѣшательства въ выборы главнаго магистрата, и при томъ совершенно незаконнаго, М. А. Липинскій приводитъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ Можайскѣ. Депутатомъ отъ этого города былъ избранъ купецъ П. П. Грачевъ. По окончаніи выборовъ изъ юстиць-коллегіи былъ присланъ указъ, которымъ названный депутатъ требовался къ допросу по дѣлу одного купца, бывшаго у сбора съ лавокъ оброчныхъ денегъ. Исполнивъ это требованіе, главный магистратъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ можайцамъ избрать новаго представителя въ комиссію, о чемъ губернское начальство узнало уже *post factum* ⁴⁾. Случаи неправильнаго толкованія закона встрѣчались и со стороны губернаторовъ и воеводъ. Такъ, мы уже знаемъ, на примѣръ, что московскій губернаторъ издалъ распоряженіе, чтобы однодворцы, старыхъ служебъ служилые люди и содержащіе ландмилицію не участвовали въ городскихъ выборахъ, или что клинскій воевода не произвелъ выборовъ въ Клину на томъ основаніи, что въ немъ не было купечества, какъ будто владѣвшіе

¹⁾ М. А. Липинскій, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 260.

²⁾ *Русск. Вѣстн.*, 1861 г., № 12, Приложение.

³⁾ О неутвержденіи скопинскаго депутата и протестъ скопинцевъ см. у М. Липинскаго, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 260—263. Что этого постановленія не отмѣнилъ и сенатъ, видно изъ того, что имени этого депутата нѣтъ въ „Спискѣ“ *Лопшинова*.

⁴⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 270.

домами разночинцы не являлись избирателями ¹⁾. „Вѣроятно,—замѣчаетъ по этому поводу М. А. Липинскій,—въ большинствѣ случаевъ мѣстная власть понимала обрядъ въ томъ смыслѣ, какъ и клинскій воевода: въ большинствѣ случаевъ воеводы говорятъ о выборахъ отъ купцовъ, вмѣсто болѣе общаго термина—отъ городскихъ жителей“ ²⁾.

Но большею частію, по крайней мѣрѣ относительно Великороссіи, нужно признать, что вмѣшательство въ выборы администраціи было въ сущности довольно рѣдкимъ и вызывалось, съ одной стороны, несогласіемъ или неправильнымъ пониманіемъ дѣла въ средѣ самихъ избирателей, съ другой, неправильными дѣйствіями низшихъ представителей власти. Вотъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ подобнаго рода вмѣшательство. Въ столицахъ, при избраніи повѣренныхъ, завѣдывавшему выборами генераль-полиціймейстеру Н. Н. Чичерину пришлось дать избирателямъ „совѣтъ не въ указъ“—„не полезнѣ ли было бы избирать въ повѣренные изъ всякаго званія жителей, способныхъ и знающихъ городскія нужды“ ³⁾. Безъ такого „совѣта не въ указъ“ въ повѣренные, возможно, попали бы исключительно лишь представители знати, которыхъ почему-то настойчиво выбирали и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ на первыхъ собраніяхъ. Что же касается до несогласій въ средѣ избирателей, какъ повода для вмѣшательства администраціи, то оно имѣло мѣсто, кромѣ Зарайска, о чемъ мы уже говорили, еще и въ Гороховцѣ, гдѣ часть населенія не хотѣла признать правильнымъ выборъ въ депутаты Н. Я. Молявинскаго, что вызвало огромную переписку между губернаторомъ и воеводой и потребовало сенатскаго рѣшенія ⁴⁾.

Относительно же вмѣшательства въ выборы высшихъ административныхъ органовъ, вызваннаго неправильными дѣйствіями низшихъ мѣстныхъ властей, можно указать слѣдующіе факты. Обыкновенно, въ отвѣтъ на губернаторскій ордеръ, при которомъ разсылалось известное количество экземпляровъ манифеста и обряда выборовъ, воевода долженъ былъ заблаговременно рапортовать губернатору о всѣхъ сдѣланныхъ имъ предварительныхъ распоряженіяхъ, на примѣръ, о разсылкѣ манифеста въ духовное правленіе для прочтенія въ церквахъ, о назначеніи срока и мѣста выборовъ и т. п. Въ Мещовскѣ же воевод-

¹⁾ Ibid., стр. 254—257.

²⁾ Ibid., стр. 257.

³⁾ „Сб. И. Р. И. О—ва“, т. IV.

⁴⁾ М. А. Липинскій, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 283—

ская канцелярія извѣстила объ этомъ губернатора всего за два дня до срока выборовъ, за что и была оштрафована 10 рублями ¹⁾.

Случаевъ же, гдѣ бы правительственная власть стремилась провести въ депутаты угодныхъ ей лицъ или повліять на содержаніе наказовъ, при выборахъ въ комиссію 1767 г. въ предѣлахъ Велико-россіи совершенно не было. Нѣсколько фактовъ подобнаго вмѣшательства администраціи произошло лишь въ Малороссіи, гдѣ генералъ-губернаторъ графъ Румянцевъ оказался, по выраженію проф. Сергѣевича, *plus royaliste, que le roi lui même* ²⁾. Поэтому мы вполне можемъ признать, что доставленные депутатами въ комиссію указы были свободны отъ правительственнаго вліянія.

5. Отношеніе городского населенія къ комиссіи.

Теперь мы разсмотримъ, являются ли указы дѣйствительнымъ выраженіемъ нуждъ и желаній самого городского населенія, или же заключаютъ въ себѣ мнѣнія отдѣльныхъ наиболѣе активныхъ лицъ, навязавшихъ свои взгляды пассивной массѣ избирателей. Для этого мы изслѣдуемъ, насколько сочувственно и сознательно откликнулось общество, въ частности, горожане, на призывъ Екатерины, какъ реагировали они на ея приглашенія раздѣлить съ ней работу по реформированію всего существующаго законодательства.

Говоря о неудачѣ комиссіи 1767 года, о томъ, что дѣятельность ея не привела къ тѣмъ результатамъ, какихъ ждала отъ нея императрица, современники ея видѣли причину этого въ неподготовленности общества, въ низкомъ уровнѣ его политическаго и культурнаго развитія. Комиссія казалась имъ, съ одной стороны, памятникомъ мудрости Екатерины, съ другой—нагляднымъ свидѣтельствомъ общественной несостоятельности, общественнаго банкротства ³⁾. Это мнѣніе современниковъ объ умственномъ и нравственномъ убожествѣ тогдашняго общества перешло затѣмъ и въ нашу ученую литературу, гдѣ было даже слишкомъ подчеркнуто. Изслѣдователи быта и нравовъ XVIII столѣтія рисуютъ, большею частью, такую дѣйствительно „весьма не привлекательную“ картину: „предъ нами,—говоритъ Незеленовъ,—поразительно невѣжественное и грубое общество, лишенное руководящаго свѣта нравственныхъ идеаловъ, предается разгулу животныхъ страстей. Внѣшній литературный блескъ принимаетъ оно за блескъ кра-

¹⁾ М. А. Литинскій, *op. cit.*, *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 241.

²⁾ *Вѣстн. Евр.*, 1878 г., № 1, стр. 218.

³⁾ См. отзывы Болотова, Державина, Порошина, Сумарокова и др.

соты и увлекается имъ. Для утоленія жажды чувственныхъ наслажденій оно приносить въ жертву честь и совѣсть; казнокрадство, взяточничество и безумное угнетеніе народа служатъ обильнымъ источникомъ средствъ для разгульной жизни; изъ этихъ источниковъ черпаютъ совершенно легкомысленно, не думая, что они могутъ изсякнуть. Въ противоположность веселому разгулу общества, народъ изнемогаетъ подъ тяжестію гнета и доходитъ порой до отчаянія, до пугачевщины, грозящей цѣлости государства“¹⁾. Подобныя же характеристики культурнаго состоянія XVIII столѣтія дали и нѣкоторые другіе ученые²⁾.

Исходя изъ такого представленія, и многіе историки комиссіи склонны считать, что тогдашнему обществу, не только въ его массѣ, но и въ лицѣ его болѣе или менѣе передовыхъ членовъ, оказалось не по плечу то „великое дѣло“, къ участию въ которомъ призывала его Екатерина. Они указываютъ, что даже среди ближайшихъ своихъ сотрудниковъ она встрѣтила и непониманіе, и противодѣйствіе, нагляднымъ подтвержденіемъ чего яко бы служить указанный уже нами фактъ, именно что „разныя персоны, вельми разномыслящія“, заставили многое выпустить и остальное измѣнить въ главѣ „Наказа“, посвященной вопросу о крѣпостномъ правѣ³⁾. Вообще тѣ основы, на которыхъ Екатерина хотѣла построить зданіе новаго законодательства, казались ея современникамъ слишкомъ опасными и только. Выразился же, напримѣръ, графъ Никита Панинъ, что принципы „Наказа“ — *sont des axiomes à renverser des murailles*⁴⁾. Оцѣнить ихъ по достоинству, понять ту общенародную пользу, которую они преслѣдовали, однимъ словомъ, возвыситься до пониманія національныхъ интересовъ не могли представители тогдашняго общества, слишкомъ проникнутаго духомъ близорукой сословности,—и вотъ именно это также выдвигаетъ и профессоръ Сергѣевичъ какъ одну изъ причинъ безуспѣшности комиссіи. По его словамъ, грандіозный замыселъ императрицы не удался, между прочимъ, потому, что она среди членовъ комиссіи и своихъ приближенныхъ не могла найти людей, „способ-

¹⁾ *Незеленовъ*: „Новиковъ издатель журналовъ 1769 — 1875“. С.-Пб. 1785 г., стр. 119.

²⁾ Объ этомъ см. напр., у *Н. Д. Чечулина*: „Русское провинціальное общество“, стр. 2—5.

³⁾ *Соловьевъ*: „Разказы изъ русск. исторіи. 1767 годъ“, *Русск. Вѣсти*. 1861 г., № 10; но въ его изложеніе необходимо внести вышеупомянутую поправку *Н. Д. Чечулина* относительно того, что именно было выпущено и измѣнено въ „Наказѣ“.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 318.

ныхъ быть исполнителями либеральныхъ предначертаній ея царствованія“¹⁾.

Еще болѣе рѣзкіе упреки дѣлаетъ обществу Шашковъ. „Въ депутатскихъ наказахъ и преніяхъ комиссіи,—говоритъ онъ,—обнаружилось все убожество русской общественной жизни. Вы не найдете здѣсь ни одной идеи, ни одного требованія, которыя выражали бы собой какую-нибудь общенародную или общегосударственную нужду. Мало того, что каждое сословіе стоитъ, какъ умѣетъ, за свои интересы и за увеличеніе своихъ привилегій—каждая провинція, каждый городъ стремится къ какой-нибудь монополіи, къ какому-нибудь преимуществу надъ сосѣдомъ“²⁾. Это полное отсутствіе „радѣнія объ общемъ добрѣ и блаженствѣ рода человѣческаго“³⁾, этотъ черствый сословно-классовой эгоизмъ, охватывавшій положительно всѣ слои общества, смѣнялся единодушіемъ лишь въ одной сферѣ ихъ желаній—въ области крѣпостного права. Здѣсь всѣ, даже государственные крестьяне, объединились, какъ выразился Соловьевъ, „въ дружномъ и страшно-печальномъ крикѣ: рабовъ!“⁴⁾.

Но является ли подобная характеристика XVIII столѣтія вѣрной? Что касается до общихъ взглядовъ на культурное состояніе общества того времени, которые высказали Незеленовъ и многіе другіе, то признавать ихъ безусловно истинными теперь нельзя⁵⁾. Болѣе детальное и глубокое изученіе литературы, науки и общественности 2-й половины XVIII вѣка уже не позволяетъ говорить о сплошномъ невѣжествѣ, о полномъ отсутствіи умственныхъ интересовъ, о поголовномъ господствѣ безнравственности среди соціальныхъ верховъ, о подавленности народныхъ низовъ—само собой разумѣется, мы не имѣемъ здѣсь въ виду крѣпостныхъ. Конечно, всего этого было достаточно, такъ какъ все это должно было быть въ обществѣ, живущемъ трудомъ крѣпостныхъ. Но наряду съ этимъ не слѣдуетъ игнорировать и того, что именно въ это время, вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ интеллигентовъ, этихъ „культурныхъ одиночекъ“, появляется интеллигенція, какъ цѣлая группа. Являясь сословно-дворянской по своему со-

¹⁾ *Вѣстн. Евр.*, 1878 г., № 1.

²⁾ *Дѣло*, 1879 г., № 5, стр. 8.

³⁾ Слова, поставленныя въ кавычки, взяты изъ Манифеста 14 дек. 1866 г.

⁴⁾ „Исторія Россіи“ т. XXVII.

⁵⁾ Критику этихъ взглядовъ можно найти у *Н. Д. Чечулина*: „Русск. провинц. общество“ и *М. Туманова*: „Вліяніе русск. литературы 2-й пол. XVIII в. на судопроизводство и законодат. дѣятельность правительства“. С.-Пб. 1903 г.

ставу, эта интеллигенція нерѣдко возвышалась до пониманія общенародныхъ нуждъ и подъ часъ довольно удачно брала на себя роль ихъ выразительницы. Въ сатирическихъ журналахъ, беллетристикѣ, масонскихъ ложахъ, вольно-экономическомъ обществѣ она настойчиво нападала на недостатки и злоупотребленія современнаго общественно-государственнаго строя, вела проповѣдь нравственнаго самоусовершенствованія какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и всего общества, дѣлала вылазки противъ крѣпостнаго права, вообще будила своей дѣятельностью народныя умы и совѣсть ¹⁾).

Кромѣ того, нельзя не отмѣтить что тогдашнее русское общество не было младенчески невѣжественнымъ и въ вопросахъ политическихъ. Со смертью земскихъ соборовъ не только среди интеллигенціи, но и среди болѣе широкихъ общественныхъ круговъ не угасла совершенно мысль о народномъ представительствѣ. Въ теченіе всего XVIII столѣтія она не переставала мелькать по временамъ въ ихъ сознаніи. Такъ, въ началѣ XVIII вѣка Посошковъ указывалъ въ своемъ трактатѣ „О скудости и богатствѣ“ на необходимость для составленія уложенія обратиться къ народному „многосовѣтію“ и „написавъ точно новосочиненные пункты, всѣмъ народамъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не по принужденію, и... предложить Его Императорскому Величеству, да разсмотритъ его умная острота“ ²⁾. Мысль о сотрудничествѣ правительства и общества ³⁾ была лозунгомъ движенія верховниковъ и шляхетства въ 1730 г. ⁴⁾. Ее положили въ основу своихъ проектовъ государственной реформы и Артемій Волинскій ⁵⁾, и графъ Никита Панинъ ⁶⁾, ее высказывалъ

¹⁾ На эту культурную дѣятельность интеллигенціи во 2-й пол. XVIII в., съ легкой руки Добролюбова, въ нашей наукѣ установился довольно поверхностный взглядъ. Эту дѣятельность обычно считают—пользуемся выраженіемъ Мордовцева—„безполезной войной, бесполезной потому, что она не вызывала никакихъ радикальныхъ перемѣнъ и со временемъ была совершенно забыта“. Лишь въ самое послѣднее время получаетъ силу противоположное мнѣніе, впервые высказанное еще Аванасьевымъ. См. *М. Тумановъ*, *op. cit.*

²⁾ *Посошковъ*. Сочиненія, изд. Погодинымъ, стр. 76.

³⁾ Конечно, общество понималось здѣсь слишкомъ узко. У верховниковъ, напр., это понятіе было даже меньше по своему объему понятія дворянства.

⁴⁾ *П. Милюковъ*: „Верховники и шляхетство“ въ книгѣ „Изъ ист. русск. интеллигенціи“. С.-Пб. 1903 г. Здѣсь же указана и литература.

⁵⁾ Проф. *Корсаковъ* о Волинскомъ въ *Нов. и Др. Россіи*, 1878 г.

⁶⁾ *Н. Д. Чечулинъ*: „Проектъ императорскаго совѣта“. С.-Пб. 1894 и въ *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1894 г., № 3 и г. Щегловъ: „Государств. совѣтъ въ царствованіе имп. Александра I“. Ярославль. 1895 г., т. II, вып. I, стр. 64—65.

въ своихъ политическихъ мечтаніяхъ и блестящій публицистъ екатерининской эпохи, умѣлый защитникъ дворянскихъ интересовъ князь Щербатовъ ¹⁾).

Наконецъ, эта же идея не была чуждой и для правительства. Такъ, на примѣръ, когда въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія Петръ предпринялъ реформу городского самоуправления, въ Москвѣ былъ созванъ по инициативѣ главнаго магистрата всероссійскій съѣздъ выборныхъ представителей посадскаго населенія, для выработки инструкціи—„регуль“—вводившимся по городамъ магистратамъ и ратушамъ ²⁾). Представители общества призывались затѣмъ не разъ въ комиссіи, учреждавшіяся для кодификаціи законодательства. Первая, слабая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана Екатериной I вскорѣ послѣ восшествія на престолъ. Она призвала въ комиссію 1725 г. нѣсколько человѣкъ выборныхъ отъ разныхъ учреждений. Далѣе, въ 1728 г. верховный тайный совѣтъ приказалъ „выслать въ Москву изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ за выборомъ изъ шляхетства“. Еще шире примѣнила выборное начало Анна Іоанновна, призвавшая въ 1730 г. „добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей по разсмотрѣнію сената, выбравъ изъ шляхетства и духовныхъ и купечества“, изъ которыхъ представителямъ духовенства и купечества быть въ то время, „когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ“. Наконецъ, и образованная въ 1754 г. изъ должностныхъ лицъ комиссія, проработавъ 6 лѣтъ, высказалась за необходимость созыва всесословнаго земскаго собора, въ отвѣтъ на что сенатъ въ 1761 г. пригласилъ въ новую комиссію выборныхъ отъ дворянства и купцовъ. Въ указѣ отъ 29-го сентября онъ, между прочимъ, говорилъ, что такъ какъ „сочиненіе уложенія для управленія всего государства весьма нужно“, то „всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ, и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать и къ окончанію съ ревностнымъ усердіемъ споспѣшествовать стараться“ ³⁾).

Всѣ эти факты убѣдительно говорятъ, что и екатерининская комиссія не была для общества дѣломъ совершенно незнакомымъ и непонятнымъ, какой-то неслыханной новостью. Поэтому всѣ толки о неподготовленности общества, о его малокультурности, невѣжествѣ и

¹⁾ Н. Д. Чечулинъ: „Русскій социальный романъ XVIII в.“ Изд. 2. С.-Пб. 1900.

²⁾ А. А. Кизеветтеръ, *op. cit.*, *Русск. Бог.*, 1898 г., № 11, стр. 56—57.

³⁾ Проф. Латкинъ, *op. cit.*, стр. 42, 46, 56, 94—95 и 98.

политической неразвитости, на нашъ взглядъ, слишкомъ преувеличены. Мы думаемъ, что нельзя согласиться и съ мнѣніемъ наиболѣе осторожнаго изслѣдователя разбираемаго нами вопроса, А. А. Кизеветтера, который говоритъ, что „екатерининскій экспериментъ законодательной реформы при посредствѣ народнаго представительства превышалъ наличные ресурсы тогдашняго общества“, что „идея быстрой отмѣны исторически назрѣвшей системы законодательныхъ нормъ была вдохновлена (sic) не столько знакомствомъ съ уровнемъ народнаго развитія, сколько всегда присущимъ Екатеринѣ оптимизмомъ въ связи съ господствовавшими философскими предразсудками вѣка о всемогуществѣ рациональной законодательной инициативы“. Конечно, „намъ трудно представить себѣ безъ улыбки обывателя какого-нибудь тогдашняго Устьсысольска или Царевококшайска, внезапно очутившагося по долгу службы за перекройкой уложенія царя Алексѣя Михайловича по рецепту Беккариа и Монтескье“¹⁾. Но мы спросимъ, развѣ вообще кто либо въ силахъ былъ выполнить эту задачу? На это утвердительно могли отвѣчать только развѣ рационалисты XVIII вѣка, еще не сознававшіе ясно, что ни одно общество не является случайнымъ подкидышемъ на аренѣ исторіи, ничѣмъ не связаннымъ со своимъ прошлымъ. Въ виду этого причинъ неуспѣха екатерининской комиссіи, по нашему мнѣнію, надо искать не въ неподготовленности общества, не въ томъ, что оно было застигнуто врасплохъ, а въ невозможности вообще осуществить ту цѣль, какую ставила Екатерина. Намъ думается, что неудача „замысла, на который она возлагала такія блестящія надежды“²⁾, объясняется именно тѣмъ, что императрица на практикѣ убѣдилась во всей эфемерности и фантастичности плана создать новое уложеніе для Россіи въ духѣ идей французской философіи. А при созданіи его на основѣ одного „народнаго умствования“, на основѣ реальныхъ, исторически сложившихся общественныхъ отношеній, Екатерина могла обойтись и безъ помощи народнаго представительства, совершенно не соотвѣтствовавшаго къ тому же социально-политическому строю Россіи того времени³⁾.

¹⁾ А. А. Кизеветтеръ: „Происхожденіе город. депутат. наказовъ“. *Русск. Бол.*, 1898 г., № 11, стр. 38.

²⁾ Проф. Сергѣевичъ, *op. cit.*, *Вѣстн. Евр.*, 1878 г., № 1, стр. 261.

³⁾ Эта мысль или, вѣрнѣе, намекъ на нее, былъ высказанъ еще сенаторомъ Бибиковымъ: „Предпріятіе сіе,—говоритъ онъ,— было рановременно;... нѣкоторые изъ депутатовъ, увлекаемые вольнодуміемъ, ухищрялись уже предписывать законы верховной власти, другіе предлагали уничтоженіе рабства“. „Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова“. С.-Пб. 1817 г.

Но даже, если согласиться съ мнѣніемъ, что общество было не подготовлено для выполненія конечной дѣли, поставленной ему Екатериной — составленію „новаго уложенія“, то нельзя еще утверждать, что оно плохо выполнило и предварительную задачу—выборъ депутатовъ и составленіе наказовъ. А между тѣмъ большинство изслѣдователей склонны и въ данномъ отношеніи слишкомъ сгущать темныя краски, и въ этой области слишкомъ выставлять на показъ непониманіе, индифферентизмъ и пассивность общества. Признавая, что „тотъ или иной характеръ отношеній избирателей коренной Россіи къ дѣлу избранія представителей обуславливался ихъ умственнымъ развитіемъ“, Дитятинъ, напримѣръ, говоритъ, что „какъ бы глубоко мы ни вникали въ эти отношенія, мы, во всякомъ случаѣ, главнымъ образомъ встрѣчаемся съ ихъ, если можно такъ выразиться, отрицательнымъ характеромъ: насъ будетъ поражать прежде всего пассивное отношеніе къ дѣлу“ ¹⁾. На „равнодушіе“ и „неумѣніе“ общества указываетъ и профессоръ Сергѣевичъ ²⁾. Къ этому мнѣнію склоняется и профессоръ Латкинъ, но, впрочемъ, лишь до извѣстной степени. „Правда,—говоритъ онъ,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отношеніе ихъ (избирателей) къ выборамъ болѣе пассивное, чѣмъ активное, но за то немало и такихъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о въ полномъ смыслѣ этого слова активномъ отношеніи, проявленномъ избирателями и нерѣдко даже приводившемъ въ смущеніе пугливую администрацію“ ³⁾. Разсмотримъ же теперь, насколько эти взгляды справедливы, при чемъ мы не станемъ рѣшать здѣсь вопроса о томъ или иномъ отношеніи къ выборамъ всего общества — это выходитъ изъ предѣловъ нашей темы,—а ограничимся лишь отношеніемъ однихъ горожанъ. Кромѣ того, такъ какъ всѣ изслѣдователи признаютъ, что выборы на окраинахъ—въ Малороссіи и Остзейскомъ краѣ—происходили вполне сознательно и активно, то о нихъ мы будемъ говорить немного, а главное вниманіе сосредоточимъ на выборахъ Великороссіи.

Начнемъ съ отрицательныхъ явленій, рисующихъ намъ или индифферентизмъ, или непониманіе со стороны избирателей. Такъ, нѣкоторые города, повидимому, посмотрѣли на призывъ Екатерины, какъ на новую и при томъ тяжелую повинность. Въ виду этого, напримѣръ, Борисоглѣбская слобода выбрала депутатомъ купца Еболдина, давно уже покинувшего ее и жившаго въ Выборгѣ, такъ какъ изъ мѣстныхъ

¹⁾ „Екатер. ком.“ въ „Статьяхъ“, стр. 342.

²⁾ „Екат. законод. комиссія“ въ *Вѣстн. Евр.*, 1878 г. № 1, стр. 209 и слѣд.

³⁾ „Законод. комиссія“, стр. 242.

жителей, вѣроятно, никто не хотѣлъ ѣхать въ комиссію. „Это дѣло дошло до сената, но кончилось тѣмъ,—говоритъ проф. Сергѣевичъ,— что Еболдинъ былъ записанъ въ списки депутатовъ, въ числѣ которыхъ и оставался до конца, являя примѣръ депутата, противъ воли обязаннаго защищать интересы своихъ избирателей“¹⁾. Почти то же самое произошло и въ Енисейскѣ, гдѣ населеніе, почему-то вообразивъ по полученіи манифеста, что депутата и составителей наказа должна постигнуть опала, выбрало крайне нелюбимаго имъ Самойлова и какъ бы въ наказаніе отказалось дать ему достаточныя средства на дорогу²⁾.

О безтолковости бѣжецкихъ жителей, выбравшихъ въ депутаты канцеляриста Лѣсникова, сообщаетъ въ своемъ донесеніи губернатору тамошній воевода. „Неосновательность выбора,—пишетъ онъ,—послѣдовала отъ того, что въ числѣ бѣжецкихъ купцовъ были нѣкоторые неспособные, не малое число и безграмотныхъ, которые прямой силы и важности къ выбору депутата и понять не могли и балотированіе чинили не зная по множеству, въ которую сторону класть шарики“³⁾. Полное непониманіе предстоящей имъ задачи формулировать свои общественныя нужды и желанія обнаружили и дмитровцы, какъ указалъ А. А. Кезиветтеръ⁴⁾. Единственная статья ихъ наказа говоритъ, что „они по обстоятельству этого города никакихъ общихъ нуждъ не имѣютъ представить, а имѣютъ по всеподданническому своему къ Ея Императорскому Величеству послушанію положиться, яко обще о всѣхъ вѣрноподданныхъ матернепекущуюся Монархиню, на высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе и разсужденіе Комиссіи“⁵⁾. Наконецъ, еще одинъ примѣръ непониманія дѣла со стороны населенія усматриваетъ Дитятинъ и въ томъ, что жители столицъ выбрали въ депутаты и головы исключительно и въ повѣренныя болшею частью дворянъ⁶⁾.

Но все это—единичные факты, и вывести на основаніи ихъ хоть сколько-нибудь общее заключеніе, конечно, невозможно. Признавая это, нѣкоторые изслѣдователи стараются видѣть болѣе общее дока-

¹⁾ *Вѣстн. Евр.*, 1878 г., № 1, стр. 211—212.

²⁾ *Шашковъ*, *op. cit.*, *Дѣло*, 1870 г., № 5, стр. 7—8.

³⁾ *М. А. Липинскій*, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1887 г., № 6, стр. 287—288.

⁴⁾ *Русск. Бог.*, 1898 г., № 11, стр. 35.

⁵⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. ХСІІІ, стр. 91 и 92.

⁶⁾ „Екатер. ком.“ въ „Статьяхъ“, стр. 340—342.

зательство политической незрѣлости населенія въ уклоненіи цѣлыхъ городовъ отъ участія въ выборахъ. Поэтому разсмотримъ, часто ли оно имѣло мѣсто и чѣмъ въ дѣйствительности было вызвано.

Прежде всего установимъ число городовъ, не приславшихъ въ комиссію ни депутатовъ, ни наказовъ. Изъ „Таблицы губерній, провинцій и уѣздовъ“, приведенной Арсеньевымъ ¹⁾, и наказовъ, напечатанныхъ въ 93, 107 и 123 томахъ Сборника Имп. Русск. Историч. О-ва, можно получить слѣдующія цифровыя данныя, указывающія, съ одной стороны, число городовъ съ приписанными къ нимъ уѣздами, съ другой — число городовъ, принявшихъ участіе въ избирательной кампаніи.

Г у б е р н і и.	Число уѣз- ныхъ горо- довъ.	Число горо- довъ, участво- вавшихъ въ выборахъ.
Московская	59	48
Петербургская	4	2
Новгородская	34	21
Архангелогородская	18	13
Казанская	27	16
Нижегородская	7	7

Такимъ образомъ, изъ 149 уѣздныхъ городовъ въ шести названныхъ губерніяхъ лишь 107 прислали депутатовъ. Чтобы объяснить, почему этого не сдѣлали остальные 42 города, напомнимъ, что „обрядъ выборовъ“ позволялъ не выбирать городамъ, гдѣ число домохозяевъ было меньше 50. А эти 42 города въ большинствѣ случаевъ именно такими и были, что видно изъ таблицы Арсеньева и цифровыхъ данныхъ 2-й переписи, находящихся въ книгѣ А. А. Кизеветтера ²⁾. Оказывается, что уклонились отъ выборовъ слѣдующіе города съ слѣдующимъ числомъ душъ въ нихъ:

¹⁾ Арсеньевъ: „Объ устройствѣ и управленіи въ Россіи съ XV до исхода XVIII ст.“ Стр. 52—63. Отд. оттискъ изъ „Матеріаловъ для статистики Росс. Имперіи“, изд. Статистич. отд. мин. вн. дѣлъ. С.-Пб. 1839 г.

²⁾ „Посадск. община“, стр. 102—111 и 416—421. Не имѣя подъ руками данныхъ относительно населенія отдѣльныхъ городовъ во время третьей ревизіи, мы, къ сожалѣнію, должны довольствоваться данными 2-й ревизіи, повѣривъ на слово А. А. Кизеветтеру, высказавшему предположеніе, что, „повидимому, существенныхъ измѣненій (въ распредѣленіи населенія по посадамъ—)... въ промежутокъ между второй и третьей ревизіей не произошло“. Ibid., стр. 117.

Въ Московской губерніи:

Таруса	190 душъ ¹⁾ .	Дѣдиловъ	185 душъ.
Богородицкъ	— „	Сапожокъ	186 „
Пронскъ	82 „	Клинъ	— „
Печерники	— „	Гремячевъ	— „
Медынь	— „	Пошехонье	— „
Оболенскъ	— „		

При этомъ замѣтимъ, что относительно пяти послѣднихъ городовъ извѣстно, что въ нихъ во время 1-й ревизіи совершенно не было посадскаго населенія ²⁾. Можно думать, что послѣднее отсутствовало и во 2-ю ревизію во всѣхъ тѣхъ изъ указанныхъ городовъ, гдѣ цифра населенія не показана, такъ какъ въ приведенной А. А. Кизеветтеромъ вѣдомости посадовъ и ихъ жителей—этихъ городовъ не упомянуто ³⁾; точно также въ ней нѣтъ и городовъ Петербургской губ.—Ямбурга и Копорья.

Въ Новгородской губерніи:

Островъ	110 душъ.	Вышгородъ	— душъ.
Красный	108 „	Чаронда	— „
Велье	81 „	Володимірецъ	— „
Гдовъ	80 „	Вревъ	— „
Вороничъ	29 „	Дубковъ	— „
Кобылій посадъ	27 „	Пусторжевъ	— „
Выборъ	— „		

Здѣсь города, гдѣ посадское населеніе не показано, тоже ни въ первую, ни во вторую ревизію его не имѣли.

Въ Архангелогородской губерніи:

Кевроль	— душъ.	Судай	— душъ.
Мезень	— „	Кологривъ	— „
Пустозерскъ	— „		

Всѣ эти города также не имѣли посадскаго населенія.

¹⁾ Почему-то эта цифра въ книгѣ А. А. Кизеветтера, стоящая на стр. 420, измѣнена на стр. 109, гдѣ вмѣсто нея показана цифра въ 187.

²⁾ А. А. Кизеветтеръ, *op. cit.*, стр. 86.

³⁾ *Ibid.*, стр. 102—111.

Въ Казанской губерніи:

Чердынъ	793 душъ.	Уржумъ	166 душъ.
Кай-Городокъ	268 „	Царевосанчурскъ	134 „
Петровскъ	251 „	Мокшанъ	98 „
Орловъ	230 „	Шестаковъ	76 „
Котельничъ	198 „	Кокшайскъ	— „
Царевококшайскъ	185 „ ¹⁾		

Эти данныя наглядно указываютъ, что города, не участвовавшіе въ выборахъ, сдѣлали это, за исключеніемъ Чердыни и Кай-Городка, Петровска, Орлова и, быть можетъ, еще нѣсколькихъ другихъ, единственно благодаря или своей малонаселенности, или полному отсутствію въ нихъ посадскаго населенія²⁾. Возможно, что здѣсь иногда дѣйствовало и непониманіе „обряда выборовъ“, но не со стороны жителей, а со стороны администраціи, что имѣло мѣсто, напримѣръ, въ Клинѣ: предполагая, что депутаты требуются отъ одного лишь торгово-промышленнаго сословія, тамошній воевода, какъ мы уже знаемъ, не произвелъ выборовъ, хотя въ городѣ жили и другіе слои населенія³⁾.

Такимъ образомъ, совершенно нельзя смотрѣть на факты неприсылки депутатовъ, какъ на доказательства общественнаго индифферентизма или, хуже того, прямого несочувствія къ комиссіи. Поэтому на нашъ взглядъ далеко не правъ Дитятинъ, который, допуская, что вѣроятно неучастіе въ выборахъ многихъ городовъ объясняется вышеуказаннымъ правомъ малонаселенныхъ городовъ не присылать депутатовъ, все же говоритъ, что „во всякомъ случаѣ въ этомъ фактѣ, думаемъ, нельзя не видѣть проявленіе опредѣленнаго отношенія подданныхъ законодательницы къ октроированному ею праву:

¹⁾ Ibid., стр. 109, а на стр. 420 др. цифра—125.

²⁾ Точно такія же таблицы и съ тѣми же результатами можно составить и для остальныхъ губерній. Въ литературѣ были указаны, если не ошибаемся, впервые проф. Сергѣевичемъ слѣд. города, не участвовавшіе въ выборахъ: Лебедянскъ, Сокольскъ, Землянскъ, Ливны, Ефремовъ, Новосиль и Даниловъ, причемъ относительно 4-хъ послѣднихъ названный ученый замѣтилъ, что въ нихъ посадскаго населенія, судя по заявленіямъ депутатовъ, не было (*Вѣсти. Евр.*, 1878 г., № 1, стр. 211). На основаніи вѣдомости 2-й ревизіи (*А. А. Кизеветтеръ*, *op. cit.*) мы можемъ видѣть, что и въ Лебедянскѣ было всего 162 души, а въ Землянскѣ—52. Такимъ образомъ, и здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь объ общественномъ индифферентизмѣ.

³⁾ *М. А. Липинскій*, *op. cit.*, *Жури. Мин. Нар. Пр.*, 1887 г., № 6, стр. 257.

вѣдь указанное право малолюдныхъ городовъ... составляло лишь право, отъ котораго, въ виду высшаго права на представительство вообще, эти города..., цѣни они это послѣднее, относись къ нему сознательно, пойми свои интересы, могли бы съ успѣхомъ и отказаться“¹⁾). Мы же полагаемъ, что можно очень дорожить правомъ и въ то же время совершенно не имѣть возможности имъ фактически воспользоваться. А здѣсь такъ именно и было, потому что выборы стоили населенію большихъ денегъ, какъ это видно хотя бы изъ примѣра Енисейска, гдѣ жители дали депутату на дорогу 100 руб., что оказалось для него все же далеко недостаточной суммой²⁾).

Чтобы правильно оцѣнить ту или иную степень сочувствія населенія къ комиссіи 1767 г., слѣдовало бы указать, насколько многолудны были избирательныя собранія. Но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками ни избирательныхъ списковъ, ни протоколовъ собраній. Лишь относительно столицъ извѣстно какъ число всѣхъ домохозяевъ и тѣхъ изъ нихъ, кто пожелалъ участвовать въ выборахъ, такъ и число присутствовавшихъ на собраніяхъ. Въ Петербургѣ всѣхъ домовладѣльцевъ было около трехъ или трехъ съ половиною тысячъ, внесенныхъ въ списки 907 и явившихся на выборы 550; для Москвы соотвѣтствующія цифры будутъ: около 12.000 домовладѣльцевъ, 1.478 пожелавшихъ принять участіе въ избирательной кампаніи и 878 дѣйствительно участвовавшихъ на собраніяхъ. Зато относительно другихъ городовъ мы лишь можемъ сказать, что въ общемъ городскія избирательныя собранія были гораздо многолуднѣе дворянскихъ, что видно изъ сравненія подписей подъ городскими и дворянскими наказами. „Въ нѣкоторыхъ городахъ, по мнѣнію проф. Сергѣевича, можно думать, къ наказамъ приложили руки всѣ домовладѣльцы“³⁾). Такъ, подъ угличскимъ наказомъ подписалось 1.347 человекъ, подъ тульскимъ—524, подъ наказомъ Тульской оружейной слободы—1.347 и т. п. И это, конечно, говоритъ о большемъ сочувствіи горожанъ къ выборамъ, чѣмъ дворянъ, хотя отчасти объясняется и тѣмъ, что первые, живя въ городахъ, могли легко явиться на собранія, тогда какъ вторымъ приходилось покидать свои помѣстья или мѣста, гдѣ они служили, и съѣзжаться въ города. Немудрено, что изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ на дворянскіе выборы пріѣзжали по 12, 8, 6, 3 и даже по 1 чело-

¹⁾ „Екат. ком.“ въ „Статьяхъ“, стр. 340.

²⁾ *Пашковъ*, *op. cit.*, *Дѣло*, 1870 г., № 5, стр. 8.

³⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. ХСІІІ, стр. X.

вѣку, какъ это случилось въ Серпуховскомъ уѣздѣ ¹⁾. Городскія избирательныя собранія такъ малолюдны никогда не были, о чемъ свидѣлствуютъ подписи подъ городскими наказами ²⁾.

За неимѣніемъ прямыхъ указаній на степень сочувствія городского населенія къ комиссіи, мы приведемъ теперь рядъ положительныхъ фактовъ, въ значительной мѣрѣ ослабляющихъ значеніе вышеприведенныхъ отрицательныхъ. Вотъ эти факты.

По „обряду выборовъ“ городскихъ депутатовъ должны были выслать лишь одни города. Между тѣмъ немало было такихъ центровъ торгово-промышленнаго населенія, которые этого имени не носили, а назывались посадами, слободами, пристанями, форпостами и т. п. И если бы взглядъ на выборы, какъ на новую тяжелую повинность, былъ распространенъ среди населенія, то совершенно нельзя было бы объяснить, почему приняли участіе въ выборахъ жители многихъ изъ подобнаго рода поселеній. А эти случаи были довольно часты. Такъ, на примѣръ, участвовали въ избирательной кампаніи въ Выборгской губ. Сердоболь, въ Иркутской губ. Кяхтинскій форпостъ, въ Сибирской губ. Екатеринбургъ и Барнаульскій посадъ, въ Архангелогородской губ. посады: Ненокоцкій, Холмогорскій, Лалскій, Шенкурскій, Вельскій, Луцкій и Келонскій ³⁾; наконецъ, въ Московской губ.: Гжатская пристань, Норская слобода, Вязники, Нерехта, Буй, Соль Большая, Бѣжецкій Верхъ, Рыбная слобода, Молога и Борисоглѣбская слобода. Къ этому прибавимъ, что многіе мелкіе города прибалтійскаго края, на примѣръ, Лемзаль, Вольмаръ, Валкъ и Феллинь, не выбиравшіе депутатовъ „за малоимѣніемъ мѣщанъ и за бѣдностію“, поручили защиту своихъ интересовъ рижскому депутату Шварцу ⁴⁾.

Проф. Сергѣевичъ не думаетъ, чтобы подобныя факты свидѣлствовали о большей „ревности“ къ дѣлу со стороны посадскаго на-

¹⁾ М. А. Литинскій, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1887 г., № 6, стр. 249—250.

²⁾ Къ сожалѣнію, редакторъ „Сб. И. Р. И. О-ва“, гдѣ напечатаны городскіе наказаы, проф. Сергѣевичъ, не всегда считалъ нужнымъ производить подсчетъ подписей избирателей подъ наказами. Въ т. СХХІІІ онъ, на примѣръ, ограничивался тѣмъ, что указывалъ: подписи занимаютъ столько-то полулистовъ. Будемъ надѣяться, что при выпускѣ слѣд. томовъ „Сборника“ снова будутъ печататься подписи полностью, какъ это сдѣлано въ т. ХСІІІ, или будетъ производиться подсчетъ лицъ, подписавшихъ наказаы, какъ это сдѣлано въ т. СVІІ.

³⁾ Послѣдніе четыре посада, а равно еще Верховажскъ, Умскъ и Кола, ограничили лишь составленіемъ наказовъ, а депутатовъ не выбирали „за малымъ числомъ душъ“. См. соответствующіе наказаы въ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. СХХІІІ.

⁴⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. IV, стр. 32.

селенія ¹⁾). Но съ этимъ нельзя согласиться. Вотъ, напримѣръ, передъ нами очень энергичное доношеніе, съ какимъ бурмистръ Гжатской пристани отъ имени жителей обратился къ губернатору. Послѣдній предписалъ слободамъ участвовать въ выборахъ вмѣстѣ съ тѣми городами, къ которымъ онѣ были приписаны. Но гжатцы твердо заявили, что они не хотятъ выбирать вмѣстѣ съ Можайскомъ, такъ какъ въ ихъ слободахъ находится болѣе 150 домовъ, вслѣдствіе чего „Гжатскому купечеству на основаніи высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія о выборѣ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія въ головы и депутата изъ гжатскаго купечества, кромѣ города Можайска купцовъ, исполненіе непремѣнное учинить собою и слѣдуетъ“ ²⁾). Почему они такъ настойчиво добивались права на представительство, видно изъ ихъ наказа, гдѣ, между прочимъ, говорится: „Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская высококоматернимъ попеченіемъ, входя въ состояніе всѣхъ вѣрноподданныхъ Ея Величества рабовъ, высочайшимъ манифестомъ наиторжественнѣйшимъ образомъ всему свѣту челоуколюбивыя свои высокомонаршія соизволенія открыть благоволила, дабы при учрежденіи новыхъ законовъ въ пространной Ея Императорскаго Величества имперіи многихъ обитающихъ народовъ съ лучшимъ порядкомъ, по свойству мѣстъ, зависящихъ выгодъ и недостатковъ, въ сходственность прежде узаконенному безсмертной во вѣкъ славы премудраго Монарха и Россіи Просвѣтителя Государя Императора Петра Великаго регламенту пользоваться могли“ ³⁾). Участвія въ этомъ-то „учрежденіи новыхъ законовъ“ и добивались гжатцы.

Такое же вполне вѣрное представленіе о комиссіи обнаружили и жители Скопина, депутатъ котораго не былъ утвержденъ герольдмейстерской конторой на томъ основаніи, что Скопинъ не городъ, а волость и состоитъ въ вѣдомствѣ дворцовой конюшенной канцеляріи. Въ своемъ представленіи въ сенатъ съ просьбой объ отмѣнѣ рѣшенія герольдмейстерской конторы скопинцы писали, что „познавають... великую нужду себѣ, ибо всѣхъ городовъ, селъ и погостовъ всякаго чина и достоинства жители въ своихъ нуждахъ и отягощеніяхъ отъ Ея Императорскаго Величества могутъ получить облегченіе, одни только они низжайшіе Ея Императорскаго Величества рабы, изліяннаго отъ Ея

¹⁾ *Вѣстн. Европы*, 1878 г., № 1, стр. 210.

²⁾ *М. А. Литинскій*, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1887 г., № 6, стр. 259—260.

³⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. ХСІІІ, стр. 224.

Императорскаго Величества на всероссійское государство высочайшею милостию пользоваться участія имѣть и въ своихъ нуждахъ и отъ повреждающихъ ихъ жительство несносныхъ и тяжкихъ притѣсненіяхъ (sic) и раззореніевъ избавлены не будутъ“¹⁾. Эти два примѣра указываютъ, что города не только съ готовностью пользовались дарованнымъ имъ правомъ представительства, но иногда и умѣли энергично ихъ завоевывать.

Большое пониманіе тѣхъ выгодъ, какія могла дать комиссія, слѣдуетъ видѣть и въ стремленіи купечества возможно значительнѣе усилить свое представительство. Не довольствуясь постановленіемъ „обряда выборовъ“, предоставлявшимъ избирательныя права лишь домовладѣльцамъ, нѣкоторые купцы хотѣли распространить ихъ и на всѣхъ, кто велъ самостоятельный торгъ, хотя и не имѣлъ дома. Въ Дмитровѣ, на примѣръ, въ списокъ повѣренныхъ, представленный воеводѣ, былъ внесенъ купецъ Толченевъ, который, имѣя собственный торгъ, жилъ въ домѣ тестя. Такъ какъ такихъ въ городѣ было много, то Толченевъ обратился къ воеводѣ съ заявленіемъ, гдѣ просилъ или включить въ списокъ и прочихъ купцовъ, которые „при отцахъ своихъ живутъ хотя и въ однихъ домѣхъ, но торги внутри многихъ россійскихъ городовъ и къ петербургскому торгу на свой капиталъ и кредитъ имѣютъ пространный“, или его, Толченева, исключить изъ списка. Руководствуясь предписаніемъ губернатора, воевода, вопреки „обряда“, сдѣлалъ первое²⁾.

Далѣе, о значительномъ интересѣ въ средѣ городского населенія къ предпринятому правительствомъ дѣлу говорить и та подъ часъ очень острая борьба, которая разыгралась во время избирательной кампаніи между его различными слоями. Мы уже говорили о томъ, какъ зарайскіе купцы устранили отъ выборовъ канцеляристовъ и солдатъ. Крупныя несогласія возникли и при выборахъ въ Ярославль. Такъ какъ это былъ большой городъ, то онъ долженъ былъ для выбора депутата предварительно выбрать повѣренныхъ. Здѣсь - то и возникли безпорядки, о которыхъ доносилъ воевода и которые произошли на почвѣ борьбы первогильдейныхъ купцовъ съ купцами второй и третьей гильдіи. Послѣдніе „съ неучтивостью и великимъ шумствомъ кричали, что де... выбранныхъ первостатейными купцами повѣренныхъ не принимать, и если де они примутся, то де они не

¹⁾ М. А. Липинскій, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1887 г., № 6, стр. 260—263.

²⁾ *Ibid.*, стр. 257—258.

подпишутся“. Несмотря на „увѣщаніе“ воеводы—„чтобъ не шумѣли и между собой согласились общій учинить повѣреннымъ выборъ“,—они „не только согласія не учинили, но и съ великою неучтивостью и азартомъ“ продолжали стоять на своемъ. Администраціи пришлось согласиться на ихъ требованіе и разрѣшить имъ „выбрать отъ себя, кромѣ первостатейныхъ, 100 человекъ“ повѣренныхъ ¹⁾).

Въ разныхъ городахъ эта внутренняя борьба принимала разныя формы. Въ Тулѣ, на примѣръ, она выразилась въ томъ, что купечество и оружейники, какъ мы видѣли, избрали отдѣльныхъ депутатовъ. То же сдѣлали Казань, выбравшая 2 депутатовъ, и Астрахань съ Саратовомъ, избравшіе по пяти ²⁾. Наоборотъ, въ Нѣжинѣ населеніе, выбравъ одного депутата, снабдило его четырьмя наказами, по одному отъ cadaго разряда лицъ (отъ великороссійскихъ купцовъ, мѣстныхъ купцовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, отъ братства греческаго купечества и отъ шляхты съ казаками) ³⁾. Если же населеніе останавливалось, какъ это было въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, на одномъ депутатѣ и одномъ общегородскомъ наказѣ, то все же отдѣльныя группы его составляли отдѣльныя части наказовъ, которыя потомъ механически соединялись въ одну тетрадь съ общей нумераціей страницъ. Но объ этомъ подробнѣе мы скажемъ ниже. Такая, подъ часъ очень рѣзкая борьба съ особенной рельефностью указываетъ, какъ далеки были горожане отъ безразличнаго отношенія къ комиссіи.

Не объ индифферентизмѣ говорятъ и слѣдующіе факты, рисующіе, какъ ревностно иногда умѣли избиратели отстаивать своихъ избранниковъ, въ случаяхъ, когда администрація ставила препятствія къ ихъ утвержденію. Извѣстна, на примѣръ, длинная и сложная борьба на этой почвѣ, которую вели гороховцы съ мѣстнымъ воеводой, и которая доходила дважды до сената и, въ концѣ концовъ, окончилась побѣдой населенія. Сущность ея заключалась въ слѣдующемъ. Когда большинствомъ гражданъ былъ выбранъ въ депутаты И. Я. Молявинскій, то одинъ изъ жителей, Е. А. Ширяевъ, заявилъ головѣ Е. Д.

¹⁾ М. А. Липинскій, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1887 г., № 6, стр. 278—279. Кстати замѣтимъ, что эта межклассовая борьба въ Ярославлѣ не закончилась и послѣ выборовъ депутата, потребовавъ вмѣшательства Екатерины, приславшей сюда капитана Бахметьева. Объ этомъ см. „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. X, стр. 219.

²⁾ *Ibid.*, стр. 263—264.

³⁾ Проф. Сертеевичъ, *op. cit.*, „Вѣстн. Евр.“, 1878 г., № 1, стр. 211.

Судоплатову, что онъ не можетъ подписать полномочіе избранному депутату, такъ какъ послѣдній не имѣетъ дома, моложе 25 лѣтъ и съ малолѣтства живетъ въ услуженіи въ Москвѣ, почему его нравственныя качества избирателямъ не извѣстны ¹⁾. Такъ какъ голова этого заявленія не принялъ, то Ширяевъ обратился къ воеводѣ, а тотъ донесъ губернатору. Послѣдній приказалъ воеводѣ, если заявленіе окажется вѣрнымъ, произвести новые выборы. По справкамъ воеводы, оно подтвердилось, но новые выборы встрѣтили энергичный протестъ со стороны головы, опиравшася на большинство гражданъ. Между тѣмъ губернаторъ обратился въ сенатъ, такъ какъ депутатъ былъ послѣднимъ уже утверждень, и тотъ также кассировалъ выборы, а голова сдѣлалъ выговоръ. Но энергичный голова снова заявилъ воеводѣ, что „такъ какъ депутатъ Молявинскій выбранъ балотированіемъ всѣхъ наличныхъ города Горохова хозяевъ точно де таковъ, каковому въ силу онаго высочайшаго манифеста и обряда быть повелѣно, того ради на мѣсто онаго Молявинскаго вновь выбирать депутата по справедливости не смѣютъ, дабы не понести невинно штрафа“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вошелъ съ представленіемъ объ этомъ въ сенатъ, указавъ, что депутату 27 лѣтъ, а не 25, и что онъ хотя не владѣетъ домомъ, но имѣетъ въ городѣ „дворовое мѣсто застроенное“. Тогда сенатъ, провѣривъ эти данныя, призналъ выборы законными ²⁾. Поведеніе жителей Гороховца, а также подобное же дѣло о депутатѣ Ботвиньевѣ ³⁾, показываютъ, какъ горячо отстаивало населеніе своихъ депутатовъ.

Наконецъ, вполне достаточную подготовленность и сознательность проявило городское населеніе и въ выборѣ своихъ представителей въ комиссію. Само собой разумѣется, что послѣдніе, въ подавляющей массѣ, были незнакомы съ идеями французской философіи, съ тѣми рационалистическими принципами, на которыхъ Екатерина хотѣла создать „новое уложеніе“. Но даже если бы они и хорошо усвоили идеи французскаго рационализма и сумѣли бы примѣнить ихъ къ дѣлу выработки проекта, едва ли бы и этотъ проектъ имѣлъ другое значеніе, чѣмъ и самый наказъ императрицы: въ тогдашнюю русскую жизнь онъ органически не могъ бы войти и носилъ бы характеръ

¹⁾ Обрядъ выборовъ, какъ извѣстно, требовалъ, чтобы въ депутаты выбирался человекъ „добраго и незазорнаго поведенія“.

²⁾ М. А. Липинскій, *op. cit.*, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1887 г., № 6, стр. 283—287.

³⁾ *Ibid.*, стр. 287.

лишь чисто литературнаго памятника. Но выработать такое уложеніе, которое отвѣчало бы духу существующаго порядка вещей, городскіе депутаты, какъ и депутаты другихъ разрядовъ населенія, вполне могли. Здѣсь они находились на своемъ мѣстѣ.

Какъ люди, прежде всего, практики, они, конечно, были не въ силахъ оторваться отъ настоящаго, въ которомъ многое не возбуждало въ нихъ никакой вражды. Но зато тѣ стороны окружающей жизни, которыя слишкомъ тяжело давили населеніе, нашли въ его представителяхъ въ комиссіи беспощадныхъ критиковъ и стойкихъ реформаторовъ. И дѣйствительно, о многихъ отрицательныхъ явленіяхъ первой половины XVIII вѣка депутаты произнесли справедливый судъ, что видно изъ ихъ отвѣтной рѣчи императрицѣ ¹⁾. Но, произнеся свой судъ, они не ограничились этимъ, а попытались и создать кое-что для улучшенія существующаго порядка вещей.

Конечно, почти всѣ мѣры, которыя предлагались депутатами, носили рѣзко выраженный эгоистически-сословный характеръ и очень рѣдко исходили изъ болѣе широкаго пониманія общегосударственныхъ или общенародныхъ нуждъ и интересовъ. Но винить въ этомъ людей вообще и людей XVIII столѣтія въ особенности, по меньшей мѣрѣ, если можно такъ выразиться, не исторично. Наоборотъ, въ этой преданности депутатовъ сословно-классовымъ интересамъ можно видѣть лишь сознательное отношеніе со стороны ихъ къ нуждамъ тѣхъ разрядовъ населенія, представителями которыхъ они являлись. А эти нужды они знали очень хорошо, и хотя многія средства, предлагавшіяся ими для удовлетворенія этихъ нуждъ, не отличались рѣзкимъ радикализмомъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ, — какъ говоритъ Щаповъ, — „вполнѣ высказалась народная горько-опытная, жизненно-практическая критика самыхъ существенныхъ правительственныхъ учрежденій, ясно высказались истинныя гражданскія права и интересы земскихъ сословій, выразилась живая потребность полнаго народнаго контроля надъ администраціей и судомъ, однимъ словомъ, высказался не слишкомъ либеральный, но здоровый политическій тактъ, смыслъ народа“ ²⁾.

Такъ, на примѣръ, городскіе депутаты, исходя изъ узко-сословныхъ интересовъ пославшихъ ихъ группъ населенія, въ то же время высказались за необходимость широкаго просвѣщенія для народа, потребовали выборнаго контроля надъ нѣкоторыми мѣстными административными и

¹⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. IV.

²⁾ Щаповъ, *op. cit.*, *Отечеств. Записки*, 1862 г., № 6, стр. 28.

судебными мѣстами, учрежденія по городамъ банковъ и почтъ и т. д. „И подобныя идеи простыхъ людей,—справедливо заключаетъ Щаповъ,—данныя и выводы не просвѣщенія, не наукъ, а непосредственнаго, жизненно-практическаго опыта, грубаго, невѣжественнаго, но горько-думающаго, горько-слезнаго вѣкового быта народнаго—дѣйствуютъ просвѣтительно, руководительно на цѣлую эпоху, движутъ исторію, даютъ тонъ и направленіе ея, даютъ матеріаль для разнообразныхъ реформъ, вызываютъ рядъ такихъ учреждений, которыя, несмотря на всю несовершенную бюрократическую обработку ихъ, до сихъ поръ все-таки представляютъ лучшія институціи, чѣмъ учрежденія первой половины прошлаго (XVIII) вѣка“ ¹⁾. Да и странно было бы встрѣтить, чтобы въ той землѣ, гдѣ въ половинѣ XVIII вѣка нашлись люди, сочинившіе Уложеніе, чрезъ 100 съ небольшимъ лѣтъ, не отыскалось людей, способныхъ на такое же дѣло согласно съ новыми требованіями жизни.

Такимъ образомъ, вышеприведенные факты, по нашему мнѣнію, наносятъ серьезный ударъ распространенному представленію о низкомъ уровнѣ культурно-общественнаго развитія Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія и въ частности о ея неподготовленности къ „великому предпріятію“ Екатерины.

Теперь намъ остается рассмотреть вопросъ о томъ, какое участіе принимало городское населеніе въ составленіи наказовъ, являются ли эти послѣдніе созданіемъ его непосредственной дѣятельности или же представляютъ собой плодъ творчества отдѣльныхъ лицъ, благодаря своей интеллигентности или энергіи навязавшихъ свои взгляды остальной массѣ избирателей.

6. Способы составленія наказовъ.

Предписавъ самымъ подробнымъ образомъ правила избранія депутатовъ, „обрядъ выборовъ“ порядку составленія наказовъ посвящаетъ всего нѣсколько строкъ. Избиратели выбираютъ изъ своей среды особую комиссію изъ пяти членовъ, которая подъ смотрѣніемъ городского степеннаго головы въ теченіе трехъ дней занимается „выслушиваніемъ отъ своихъ собратій разсужденій о сочиненіи прошеній и въ чемъ желаютъ поправленія“ и ведетъ записъ этимъ заявленіямъ. На основаніи собраннаго такимъ образомъ матеріала, она вырабатываетъ затѣмъ окончательную редакцію наказа, прочитывавшуюся на

¹⁾ Ibid., стр. 42.

собраніи избирателей и скрѣплявшуюся ихъ подписями. По „обряду“ все могли свободно вносить въ комиссію какія угодно пожеланія и проекты, лишь бы они были не „партикулярными дѣлами, кои всегда судебными мѣстами разобраны быть должны“, а „общественными отягощеніями и нуждами“¹⁾. Болѣе точныхъ правилъ составленія наказовъ въ „обрядѣ“ нѣтъ. Поэтому невольно возникаетъ сомнѣніе, — какъ справедливо замѣтилъ А. А. Кизеветтеръ, — „разумѣетъ ли здѣсь „обрядъ“ подачу записокъ или устныхъ замѣчаній отдѣльными лицами, предоставляя редакторамъ сдѣлать общій сводъ всего накопившагося матеріала, или здѣсь предполагается публичное совмѣстное обсужденіе общихъ нуждъ, перекрестныя пренія, причемъ редакторамъ пришлось бы исходить при окончательной редакціонной работѣ изъ протокола этихъ предварительныхъ совмѣстныхъ обсужденій“²⁾. Посмотримъ же, какъ воспользовалось городское населеніе предоставленной ему въ данномъ отношеніи свободой.

Прежде всего замѣтимъ, что отчасти изъ подписей подъ наказами, отчасти изъ текста ихъ видно, что вышеуказанныя правила „обряда“ почти вездѣ формально были соблюдены. Избиратели всюду выбирали комиссію изъ пяти, а иногда изъ трехъ человекъ, которые и подписывались подъ наказами непосредственно вслѣдъ за головой или бургомистромъ, нерѣдко называя себя „сочинителями“. Точно также изъ содержанія наказовъ часто можно узнать и самые способы ихъ составленія. Въ Дмитровѣ, на примѣръ, была составлена комиссія изъ пяти членовъ, которая должна была „упражняться... выслушаніемъ отъ своихъ собратій разсужденій“; но, такъ какъ послѣдніе „о желанномъ поправленіи представленій не приносили, а объявляли, что они по обстоятельству здѣшняго города никакихъ общихъ нуждъ не имѣютъ представить“³⁾, то эта комиссія и не составила наказа, если не считать имъ то заявленіе, о которомъ мы говорили выше. Такой же комиссіей, вѣроятно, былъ выработанъ изъ представленныхъ ей гражданами заявленій и кашинскій наказъ, гдѣ между статьями общаго характера встрѣчается и личная просьба двухъ ямщиковъ⁴⁾. Ясно, что туда она могла попасть лишь благодаря тому, что этотъ наказъ

¹⁾ Н. С. З., т. XVII, № 12801, буква В, п. 25, буква Г, п. 24, буква В, п. 27 и буква Г, п. 26.

²⁾ Русск. Бог., 1898 г., № 11, стр. 34.

³⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. ХСIII, стр. 91.

⁴⁾ Ibid., т. СХХIII, стр. 355.

составился, по крайней мѣрѣ, отчасти изъ заявленій отдѣльныхъ избирателей.

Другой способъ сочиненія наказа былъ принятъ въ Солигалицкѣ, въ наказѣ котораго читаемъ, что „сего 1767 г. марта 11 дня солигалицкое купечество, будучи въ усольской земской избѣ во общемъ собраніи, согласно приговорили о происходимыхъ навсегда здѣшнему усольскому купечеству по торговымъ и другимъ разнымъ обращеніямъ отягощеніяхъ и общихъ нуждахъ покорнѣйше представить съ прошеніемъ на оное ходатайство въ наимилостивѣйшее разсмотрѣніе“ ¹⁾. При обоихъ этихъ способахъ составленія наказовъ главная роль, понятно, принадлежала самимъ избирателямъ. Они выдвигали опредѣленные нужды и пожеланія, намѣчали вопросы; на долю же комиссій оставалась лишь окончательная ихъ формулировка.

Были, однако, случаи, гдѣ не только редакція наказа, но и все его содержаніе вырабатывалось или комиссіями, или даже отдѣльными лицами. Такъ, наказъ Петербурга явился плодомъ творчества самой комиссіи, а Сызранскій, какъ объ этомъ говорится въ немъ, составили „выборные изъ купцовъ, пять человекъ и нѣсколько при томъ другихъ сызранскихъ кунцовъ“ ²⁾. Въ качествѣ же примѣровъ индивидуальной работы укажемъ хотя бы наказы московскій, написанный полковникомъ Волковымъ, и псковскій, сочиненный протоколистомъ Василиемъ Попленкинымъ ³⁾.

Но можно думать, что когда наказы писались и отдѣльными лицами, даже очень интеллигентными, въ этой работѣ все же иногда принимало участіе и само населеніе. Вотъ что рассказываетъ, напри- мѣръ, о составленіи архангельскаго наказа въ высшей степени безпристрастный и добросовѣстный хроникеръ Архангельска, купецъ-самоучка Крестининъ: „въ фезралѣ мѣсяцѣ 1767 г. по обряду выбранъ отъ архангелогородскаго посада въ депутаты комиссіи новаго уложенія знатный, богатый и благоразумный купецъ Николай Алексѣевичъ Свѣшниковъ, а надъ сочиненіемъ даннаго ему отъ гражданства наказа трудился гражданинъ Александръ Оминъ, сынъ нашего защитника гражданскія свободы, лучшій нынѣшняго времени въ архангелогородскомъ посадѣ писецъ въ прозѣ и стихахъ“. Но этому „писцу въ прозѣ и стихахъ“ принадлежала, однако, только внѣшняя форма

¹⁾ Ibid., т. ХСIII, стр. 477.

²⁾ Ibid., т. CVII, стр. 605.

³⁾ Ibid., т. CVII, стр. 404.

наказа—систематичность плана и литературность изложенія, которыми этотъ наказъ выгодно отличался отъ массы другихъ. Идеи же, выраженные въ немъ, были высказаны не имъ однимъ, такъ какъ, по замѣчанію Крестинина, „въ расположеніи нуждъ общества, представленныхъ въ ономъ наказѣ, всѣ лучшіе граждане имѣли участіе“ ¹⁾. О такомъ же участіи населенія говоритъ и рапортъ погарскаго городского головы генераль-губернатору Малороссіи гр. Румянцеву: и въ этомъ городѣ комиссія, выработавшая текстъ наказа, должна была читать его въ помѣщеніи магистрата избирателямъ ²⁾.

Насколько активно относились избиратели къ дѣлу составленія наказовъ, показываетъ „всенижайшее доношеніе“ сенату козьмодемьянскаго городского головы В. Семибратенникова, въ которомъ онъ рассказываетъ слѣдующее. Когда по инициативѣ избирателей комиссія составила наказъ, включивъ въ него нѣкоторыя, съ точки зрѣнія головы, „хотя общественныя, однако партикулярныя“ (sic) жалобы, то голова предложилъ ихъ вычеркнуть. „Но точію оное купечество онаго моего предложенія въ резонъ не приняли,—доносилъ голова,—и тѣ свои жалобы въ наказъ депутату написать приказали; да и выбранные къ сочиненію того наказа пять человекъ письменно жъ ко мнѣ, головѣ, сообщили, что они, купцы, той жалобы не отмѣняютъ и въ другія мѣста по командамъ представлять не хотятъ, утверждаясь, что де обо всѣхъ ихъ нуждахъ въ комиссію велено представлять“ ³⁾.

Но особенно горячее отношеніе въ дѣлѣ составленія наказовъ проявилось со стороны городскихъ жителей Малороссіи. Въ рапортѣ гр. Румянцеву кн. Юрій Хованскій, предсѣдательствовавшій на городскихъ выборахъ въ Стародубѣ, оправдывается за позднюю присылку наказа тѣмъ, что при его составленіи онъ встрѣтилъ „великое замедленіе“ въ несогласіяхъ гражданъ. О трудности выработать „одинакіе депутату наказы“ говорится и въ рапортѣ руководившаго полтавскими выборами генеральнаго обознаго Кочубея, объяснявшаго это тѣмъ, что „интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинскаго званія людей“ ⁴⁾. А эти несогласія, вызванныя противоположностью интересовъ, естественно, могли сказаться лишь въ томъ случаѣ, если избиратели дѣйствовали вполнѣ сознательно—вырабатывали наказъ сами,

¹⁾ А. А. Кизеветтеръ, *op. cit.*, *Русск. Бол.*, 1898 г., № 11.

²⁾ В. Авсьенко: „Малоросс. шляхетство въ 1767 г.“ *Русск. Вѣстн.*, 1883 г., № 9, стр. 507.

³⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. CVII, стр. 490—491.

⁴⁾ В. Авсьенко, *op. cit.*, *Русск. Вѣстн.*, 1883 г., № 9, стр. 505.

а не поручали этого дѣла всецѣло комиссіи или отдѣльнымъ лицамъ.

Наконецъ, былъ и еще одинъ способъ составленія наказовъ, который примѣнялся въ тѣхъ городахъ, гдѣ населеніе представляло собой не однообразную торгово-промышленную массу, а дѣлилось на различныя группы. Отъ такихъ городовъ наказъ, обыкновенно, являлся механической сшивкой въ одну тетрадь нѣсколькихъ наказовъ, выработавшихся каждымъ разрядомъ избирателей въ отдѣльности. При этомъ, иногда особыя части, составлявшія общегородской наказъ, даже носили спеціальныя подзаголовки: такъ, на примѣръ, костромской наказъ состоитъ изъ трехъ частей: первая 19 статей его носятъ заглавіе „купечество“, 20 и 21 ст. — „фабриканты“ и 22 и 23 ст. — „разночинцы“; въ угличскомъ наказѣ пять частей: первая 12 статей „отъ бѣлаго духовенства съ причтомъ“, ст. 13—14 — „отъ угличкаго купечества“, ст. 50 — 56 — „отъ городскихъ приказныхъ служителей и разночинцевъ“ и ст. 57—61 — „отъ ямщиковъ“; веневскій наказъ начинается „пунктами о приказныхъ служителяхъ и о военныхъ служилыхъ людяхъ“ (ст. 1—5), за которыми слѣдуютъ „пункты подлежащіе до купечества, общественные“ (ст. 6 — 18); въ серпейскомъ наказѣ первая 15 ст. безъ всякаго заглавія и представляютъ нужды купечества, а 16 ст. начинается фразой: „отъ серпейской артиллерійской слободы жителями объявлено“, 17 ст. — отъ кирпичной, 18 ст. — отъ конюшенной и 19 ст. „казенной слободы отъ старосты Ивана Замотникова со всѣми той же слободы жителями представлено“, 20 ст. заключаетъ прошеніе рассыльчиковъ, а остальные семь опять нужды купечества; въ коломенскомъ наказѣ первая 16 ст. содержатъ пожеланія купечества, а 17 ст. начинается заявленіемъ: „Требованіе согражданъ коломенскихъ духовной консисторіи и воеводской канцеляріи и приказныхъ служителей“; въ епифаньевскомъ наказѣ за 26 статьями купеческаго наказа идутъ „пункты особо сочиненные о нуждахъ и недостаткахъ... отъ епифанскихъ приказныхъ служителей, отъ отставныхъ солдатъ и отъ прочихъ разночинцевъ“; въ калужскомъ наказѣ три части съ отдѣльной нумераціей статей: отъ купечества, отъ приказного чина и отъ „состоящихъ въ г. Калугѣ при штатскихъ дѣлахъ ундеръ-офицеровъ и рядовыхъ“; къ пензенскому и симбирскому купеческимъ наказамъ приложены указы приказныхъ служителей, къ чебоксарскому наказу — „челобитная отъ цеховъ“ и „представленіе отъ содержащихъ... милицію“, къ саранскому наказу — „прошеніе отъ приписныхъ къ купечеству цеховъ“ и „прошеніе“ отъ приказныхъ; въ

наказъ Устюжны Желѣзопольской за статьями, относящимися къ купечеству, идутъ статьи о нуждахъ священно- и церковно-служителей и о нуждахъ канцелярскихъ служителей; въ наказъ Бѣжецкаго Верха первая 4 статьи представляютъ собой „общественные нужды и недостатки съ прошеніями духовныхъ“, ст. 5—14—то же самое отъ разночинцевъ, ст. 15—33 — купечества и ст. 34—43—„городскихъ жителей вообще“; нижегородскій наказъ распадается на четыре части, изъ которыхъ первая составлена купечествомъ, а послѣдніе три канцелярскими служащими въ различныхъ учрежденіяхъ; арзамасскій состоитъ изъ двухъ частей: въ одной излагаются нужды приказныхъ, въ другой—купечества.

Хотя въ большинствѣ наказовъ, составленныхъ городами съ неоднороднымъ населеніемъ, особыхъ подзаголовковъ для отдѣльныхъ частей ихъ нѣтъ, но эти послѣднія все же легко замѣтить. Обыкновенно, нужды и желанія каждаго разряда избирателей излагались не въ однѣхъ и тѣхъ же статьяхъ, а въ разныхъ. Въ кашинскомъ наказѣ, напримѣръ, среди статей, сочиненныхъ купечествомъ, попадаетъ ст. 30, заключающая личную просьбу двухъ ямщиковъ, и ст. 32, представляющая прошеніе жителей Подмонастырской слободы, находившейся въ вѣдомствѣ государственной коллегіи экономіи. И такихъ наказовъ очень много.

Само собой разумѣется, что эти указы не могли составляться въ комиссіяхъ, — тогда хотя бы только внѣшняя форма ихъ была иная. Безъ сомнѣнія, они выработывались на предварительныхъ сходахъ отдѣльныхъ группъ избирателей и затѣмъ поступали въ комиссію, дѣятельность которыхъ въ большинствѣ случаевъ ограничивалась лишь соединеніемъ ихъ въ одну тетрадь. О такомъ именно способѣ составленія наказовъ говорятъ и нѣкоторыя изъ только-что приведенныхъ нами заглавій, напримѣръ отъ жителей такой-то слободы или старосты такого-то, отъ приказныхъ и т. д. Это же подтверждается часто и самимъ содержаніемъ наказовъ. Въ чебоксарскомъ наказѣ, напр., желанія, изложенныя въ „челобитной отъ цеховъ“, прямо противорѣчатъ стремленіямъ купечества, выразившимся въ ихъ наказѣ. То же самое противорѣчіе замѣтно и между статьями, сочиненными фабрикантами, и статьями, составленными купечествомъ, въ наказахъ костромскомъ и угличскомъ. Въ нѣкоторыхъ же наказахъ попадаются одинаковыя заявленія, какъ напр., въ серпуховскомъ ст. 3 и 19 заключаютъ требованіе объ облегченіи постройной повинности, въ первомъ случаѣ заявленное отъ имени посадскихъ, во второмъ—отъ имени слобожанъ.

Ясно, что ни противорѣчій, ни повтореній въ названныхъ наказахъ не могло бы быть, если бы они подвергались хоть самой незначительной переработкѣ въ комиссіяхъ или если бы они составлялись на общихъ собраніяхъ всѣхъ группъ избирателей.

Такимъ образомъ, можно признать какъ общее правило, что обыкновенно само населеніе выдвигало тѣ или иные очередные вопросы своей жизни, настоятельно требовавшіе безотлагательнаго разрѣшенія, обращая вниманіе правительства на то, „въ какой матеріи... недостатки и отягощенія состоятъ“ ¹⁾, и указывало средства для улучшенія своего положенія. Комиссіямъ же приходилось собирать этотъ матеріаль воедино и классифицировать его, вообще, редактировать указы, а иногда и иллюстрировать тѣ или иныя пожеланія населенія на основаніи данныхъ, которыя находились въ мѣстныхъ ратушахъ и магистратахъ и которыя знакомили, на примѣръ, съ числомъ ревизскихъ и дѣйствительно находившихся въ городѣ душъ, съ количествомъ и характеромъ службъ, повинностей и сборовъ, однимъ словомъ, съ разными реальными условіями быта. При этомъ возможно съ большою вѣроятностью предположить, что тѣ указанія на фактическое состояніе городовъ, какія находятся въ наказахъ и какія, безъ сомнѣнія, заимствованы, главнымъ образомъ, изъ архивовъ городскихъ учрежденій, отличаются значительной правдивостью. Вѣдь помѣщая въ наказъ невѣрныя свѣдѣнія, члены комиссіи, а равно голова и бургомистръ, скрѣплявшіе своими подписями каждую статью, могли опасаться отвѣтственности. Поэтому указанія въ наказахъ на количество населенія, тяжесть рекрутчины, службъ и поборовъ и т. п. заслуживаютъ полнаго довѣрія. Но къ такимъ фактамъ, которые почерпнуты изъ другихъ источниковъ, въ родѣ, на примѣръ, свѣдѣній о развитіи кустарныхъ прѣмысловъ и торговли среди крестьянъ, подрывавшемъ благосостояніе купечества, о суммахъ торговыхъ оборотовъ купцовъ и т. п., необходимо относиться съ осторожностью: возможно, что здѣсь составители наказовъ намѣренно искажали дѣйствительность ²⁾.

Въ этомъ дѣлѣ редактированія наказовъ, намъ думается, значительную пользу принесли бывшіе въ магистратахъ и другихъ государственныхъ учрежденіяхъ канцеляристы, а также духовные, которыхъ

¹⁾ „Сб. И. Р. Ист. О-ва“, т. CVII, стр. 252.

²⁾ Къ сожалѣнію, вопросъ объ объективной достовѣрности наказовъ еще совсѣмъ не изслѣдованъ въ наукѣ, хотя многіе безъ всякихъ оговорокъ ссылаются на свидѣтельства наказовъ.

населеніе нерѣдко выбирало въ комиссіи. Это были люди интеллигентнѣе прочихъ городскихъ обывателей, къ тому же пріобрѣвшіе навыкъ въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, спеціалисты по части составленія всякаго рода бумагъ. Благодаря ихъ знаніямъ и умѣнью наказы, въ редактированіи которыхъ они участвовали, отличаются наибольшей обстоятельностью и содержательностью и вполне литературной формой изложенія. Нѣкоторые изъ нихъ являются, по выраженію одного изслѣдователя, настоящими диссертациями, какъ, на примѣръ, наказы Архангельска, Углича, Пскова, Цивильска, Свіяжска, Галича, Бѣжецкаго Верха, Мологи и многихъ другихъ городовъ, гдѣ въ числѣ „сочинителей“ наказовъ—такъ назывались члены комиссій—были канцеляристы и духовныя лица.

7. Происхожденіе текста городскихъ наказовъ.

Теперь нашему разсмотрѣнію предстоитъ послѣдній вопросъ въ области изученія городскихъ наказовъ какъ историческаго источника, именно вопросъ о происхожденіи ихъ текста. Занимавшійся имъ А. А. Кизеветтеръ ¹⁾ пришелъ къ заключенію, что городскіе наказы 1767 г. выросли изъ традиціонныхъ, освященныхъ многолѣтней давностью текстовъ мірскихъ челобитій. „Въ этой-то литературѣ посадскихъ „челобитій“, — говоритъ онъ, — мы и должны искать объяснительнаго ключа къ исторіи текста городскихъ депутатскихъ наказовъ 1767 г. Текстъ этихъ наказовъ не былъ выработанъ впопыхахъ, ad hoc, для спеціальныхъ цѣлей одной екатерининской комиссіи. Онъ, можно сказать, исторически наслаялся параллельно съ постепеннымъ назрѣваніемъ самихъ мѣстныхъ нуждъ“. Всякій разъ, когда правительство предъявляло къ посадскимъ общинамъ новыя требованія, въ видѣ службъ, повинностей или платежей, онѣ не подчинялись своей участи молчаливо и безропотно, а отвѣчали „стономъ, отливающимся въ форму мірскихъ челобитій“. И хотя послѣднія обыкновенно встрѣчали со стороны правительства отказъ и подтвержденіе прежняго распоряженія, иногда съ обѣщаніемъ кары за дальнѣйшее промедленіе, тѣмъ не менѣе „посады неизмѣнно противопоставляли настойчивому постоянству такихъ отказовъ столь же настойчивое постоянство своихъ челобитій“. А „такъ какъ поводы къ подачѣ такихъ просьбъ были весьма часты, содержаніе же посадскихъ стремленій мало мѣнялось,

¹⁾ „Происхожденіе городскихъ депутатскихъ наказовъ въ Екатерининскую комиссію 1767 г.“ *Русск. Бог.*, 1898 г., № 11.

потому что посадъ намѣчалъ въ нихъ не столько временныя нужды, сколько основныя, коренныя причины посадской тяготы, то непрерывающаяся практика такихъ челобитій создавала во многихъ мѣстахъ стереотипный, традиціонный текстъ, который лишь съ незначительными случайными варіаціями и воспроизводился изъ года въ годъ при подачѣ каждаго новаго челобитья“. Этотъ-то текстъ, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, и вошелъ въ городскіе депутатскіе указы. Другими словами, при выборахъ въ комиссію 1767 г. население само намѣчало свои нужды и желанія, а комиссіи, образованныя для составленія указовъ, облекали ихъ въ привычную форму челобитій¹⁾.

Это сближеніе текста городскихъ указовъ съ текстомъ посадскихъ мірскихъ челобитій, прежде всего, возбуждаетъ недоумѣніе: какимъ образомъ *всесловные* городскіе указы могли вырасти изъ *сословныхъ* посадскихъ челобитій. А. А. Кизеветтеръ старается разсѣять его указаніемъ на то, что принципъ *всесловности*, предписанный обрядомъ для выбора городскихъ депутатовъ, на практикѣ извратился: города, гдѣ населеніе дѣлилось на различныя группы, или, выбравъ одного депутата, давали ему нѣсколько указовъ, или выбирали нѣсколько депутатовъ, или же въ одинъ общій указъ включали нѣсколько частныхъ. Такимъ образомъ, — замѣчаетъ А. А. Кизеветтеръ, — „совмѣстность работы различныхъ группъ городского населенія надъ выясненіемъ общихъ нуждъ осуществилась буквально только на бумагѣ, въ формѣ соединенія въ одну тетрадку предварительно выработанныхъ особо пунктовъ... Это-то обстоятельство и дало возможность посадскимъ общинамъ, не смущаясь предписаннымъ сотрудничествомъ чуждыхъ имъ элементовъ городского населенія (т. е., — прибавимъ мы отъ себя, — канцелярскихъ служащихъ, духовенства, слобожанъ и другихъ) цѣликомъ пересадить въ депутатскіе указы свои старыя посадскія челобитья“. Но это замѣчаніе не разсѣиваетъ вполне вышеуказаннаго недоумѣнія, и утвержденіе, будто „составленіе городскихъ депутатскихъ указовъ 1767 г. осуществилось на почвѣ старыхъ, вѣдь хорошо привычныхъ и долго уже практиковавшихся пріемовъ“²⁾, можно принять лишь съ значительными оговорками.

Возможно, что текстъ челобитій былъ положенъ въ основу, но не городскихъ указовъ во всемъ ихъ объемѣ, какъ думаетъ А. А. Кизеветтеръ, а лишь тѣхъ частей ихъ, которыя вырабатывались торго-

¹⁾ Ibid., стр. 40—41.

²⁾ Ibid., стр. 47—50.

промышленнымъ населеніемъ городовъ, именно тѣмъ населеніемъ, какое составляло посадскія общества. Относительно же другихъ частей наказовъ, составлявшихся духовенствомъ, канцелярскими служащими, разночинцами, вообще горожанами, не входившими въ составъ „посадовъ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова, нельзя не признать, что эти части не были ни откуда заимствованы, а писались специально ad hoc, для екатерининской комиссіи. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, какъ мы уже знаемъ, среди наказовъ попадаются такіе, которые представляютъ собой плодъ творчества отдѣльныхъ лицъ,—таковы, на примѣръ, указы Москвы, Архангельска и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Ясно, что ихъ текстъ выработывался именно ad hoc и поэтому могъ и не имѣть ничего общаго съ текстомъ челобитій.

Въ-третьихъ, наконецъ, мнѣніе о текстуальномъ родствѣ городскихъ наказовъ съ посадскими челобитьями должно быть ограничено и еще въ одномъ направленіи. Своимъ предположеніемъ о близости тѣхъ и другихъ А. А. Кизеветтеръ старался объяснить одну особенность наказовъ—сходство, а иногда полное совпаденіе многихъ изъ нихъ другъ съ другомъ, на что впервые обратилъ вниманіе Н. Д. Чечулинъ¹⁾. Такъ какъ „матеріалы для составленія самостоятельнаго наказа, провѣренныя самой жизнью, давно были готовы и лежали подъ рукой, въ архивѣ мѣстнаго магистрата“, то, по мнѣнію А. А. Кизеветтера, „при составленіи наказовъ городскимъ обществамъ просто не было надобности прибѣгать къ механическому заимствованію иногороднихъ текстовъ“. Сходство же и подѣ часъ совпаденіе между собой значительныхъ частей въ наказахъ, а иногда и цѣлыхъ наказовъ объясняются, по его словамъ, сходствомъ текста ихъ общаго источника—мірскихъ челобитій, „которое въ свою очередь образовалось не на почвѣ плагіата, а на почвѣ совмѣстной разработки насущныхъ вопросовъ посадской жизни представителями различныхъ посадскихъ общинъ“. А эта разработка производилась, какъ указываетъ А. А. Кизеветтеръ, на губернскихъ, провинціальныхъ и даже всероссійскихъ сѣздахъ послѣднихъ, которые происходили на прострaнствѣ всего XVIII в.²⁾

Но вся эта довольно стройная аргументація намъ кажется мало убѣдительною. А. А. Кизеветтеръ, съ одной стороны, не познако-

¹⁾ *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1895 г., № 2, стр. 438 и слѣд. Рецензія на „Сб. И. Р. И. О.“, т. ХСІІІ. Раньше было лишь извѣстно, что сходныя мѣста встрѣчаются въ дворянскихъ наказахъ.

²⁾ *Русск. Бол.*, 1898 г., № 11, стр. 50—57.

милъ насъ въ своей статьѣ съ работами съѣздовъ по выработкѣ общихъ челобитій и не далъ сравненія ихъ текста съ текстомъ наказовъ; съ другой—принявъ его мнѣніе о томъ, что сходство наказовъ обусловливается сходствомъ ихъ источника—мірскихъ челобитій, выработывавшихся на общепосадскихъ съѣздахъ, мы попадаемъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ очень многое въ текстѣ наказовъ становится для насъ совершенно непонятнымъ. При этомъ условіи мы не можемъ объяснить себѣ, на примѣръ, сходства нѣкоторыхъ статей въ разныхъ наказахъ, заключавшихъ въ себѣ нужды и желанія канцелярскихъ служащихъ, такъ какъ, повторяемъ, челобитье могло послужить источникомъ лишь для тѣхъ частей въ городскихъ наказахъ, какія составлялись торгово-промышленнымъ населеніемъ.

Кромѣ того, для насъ явится странной случайностью и то, уже отмѣченное Н. Д. Чечулинымъ ¹⁾, обстоятельство, что среди сходныхъ другъ съ другомъ наказовъ во всѣхъ случаяхъ наиболѣе обстоятельными оказываются именно тѣ, которые датированы ранѣе краткихъ. Ясно, что послѣдніе заимствованы съ первыхъ, такъ какъ такого вліянія, какъ общаго правила, быть не могло бы, если бы указы являлись воспроизведеніемъ общаго источника—однообразныхъ мірскихъ челобитій. Наиболѣе яркими примѣрами этого служатъ ярославскій наказъ, заключающій въ себѣ 19 пунктовъ и подписанный въ апрѣлѣ 1767 г., и норскій, состоящій всего изъ 7 пунктовъ, изъ которыхъ 2-й оригинальный, а остальные цѣликомъ списанные, и датированный въ іюнѣ того же года; или же костромской наказъ, заключающій въ себѣ 23 пункта и подписанный 19-го апрѣля 1767 г., и указы любимскій и кадыевскій, изъ которыхъ въ первомъ, не имѣющемъ даты, 18, а во второмъ, датированномъ 20-го іюня того же года, 13 пунктовъ.

Наконецъ, въ наказахъ есть еще одна, тоже указанная Н. Д. Чечулинымъ ²⁾, особенность, которая лишь отчасти объясняется мнѣніемъ о происхожденіи ихъ изъ общаго источника—мірскаго челобитья и которая становится вполне ясной, если допустить на ряду съ указаннымъ происхожденіемъ текста наказовъ и заимствованіе однихъ наказовъ съ другихъ. Эта особенность—встрѣчающіяся иногда въ текстѣ наказовъ искаженія смысла. Такъ, въ алексинскомъ наказѣ, въ п. 2-мъ

¹⁾ *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1895 г., № 2, стр. 438. Повидимому, рецензія Н. Д. Чечулина осталась А. А. Кизеветтеру неизвѣстной.

²⁾ *Ibid.*, стр. 438.

читаемъ: „купечеству нужно есть, *безъ извѣстія* (sic) между собою или на привезующихъ съ купечествомъ и разночинцевъ въ претензіяхъ разбирательство... получать... скорорѣшительнымъ судомъ... Случится *отъ ѣздовъ* (sic) многихъ кто, подавъ челобитную за дѣломъ хожденія не имѣетъ... суда не давать“ ¹⁾. Отмѣченныя слова въ этой выпискѣ, лишенныя смысла, разъясняются тульскимъ наказомъ, гдѣ въ п. 2-мъ же, вмѣсто нихъ, написано: „въ чемъ бы не было безъ изъятія“ и „случается отъ истцовъ многихъ и то, что, подавъ челобитную, за дѣломъ хожденія не имѣютъ“ ²⁾ и т. д. Очевидно, что такое искаженіе могло произойти не при перепискѣ алексинскаго наказа съ челобитья, которое являлось бы и источникомъ для тульского, а именно при перепискѣ перваго со втораго, послужившаго для него оригиналомъ.

Зато искаженіе текста въ нѣкоторыхъ другихъ наказахъ можетъ свидѣтельствовать о томъ, что если не для всѣхъ ихъ въ цѣломъ объемѣ, то по крайней мѣрѣ для тѣхъ или иныхъ частей ихъ, какія составлялись отъ лица торгово-промышленнаго класса, оригиналами явились общепосадскія мірскія челобитья. Напримѣръ, п. 12-й въ наказѣ Малоярославца, написанномъ въ апрѣлѣ, содержащій въ себѣ просьбу о запрещеніи крестьянамъ вести въ городѣ самостоятельныя торгъ или промыслъ ³⁾, совершенно искаженъ переписчикомъ; настоящій смыслъ его раскрывается въ сходномъ съ нимъ п. 7-мъ можайскаго наказа, подписаннаго въ іюлѣ ⁴⁾, или въ п. 11-мъ верейскаго ⁵⁾, тоже датированнаго іюлемъ. Возможно, что въ этихъ наказахъ отмѣченные пункты были списаны съ какого-нибудь челобитья, послужившаго общимъ для нихъ источникомъ. Болѣе сложнаго объясненія требуетъ слѣдующій примѣръ искаженія текста. Въ наказахъ ярославскомъ, норскомъ и романовскомъ, изъ которыхъ первый датированъ апрѣлемъ 1767 г., а послѣдніе два—іюнемъ, кромѣ множества совершенно сходныхъ пунктовъ, встрѣчается одна и та же фраза, въ двухъ случаяхъ совсѣмъ безсмысленная. Именно, въ п. 19-мъ ярославскаго наказа читаемъ, что депутатъ „долженъ стараться, дабы въ сочиненіи законовъ право и слѣдственное опекунство (sic) и прочія

¹⁾ „Сборн. Имп. русск. ист. общества“, т. ХСШ, стр. 304—305.

²⁾ Ibid., стр. 96. Этотъ примѣръ искаженія текста, а равно и нѣкоторые другіе, приведенные нами ниже, указаны въ не разъ упоминавшейся нами рецензіи Н. Д. Чулина.

³⁾ Ibid., стр. 96.

⁴⁾ Ibid., стр. 384—385.

⁵⁾ Ibid., стр. 252.

были утверждены наяснѣйшимъ образомъ“). Норскій наказъ повторяетъ эту фразу дословно, а романовскій передаетъ отмѣченныя слова такъ: „право слѣдственное, опекунства и протчія“ ¹⁾. Почти несомнѣнно, что норскій наказъ былъ списанъ съ ярославскаго, а этотъ послѣдній или послужилъ и оригиналомъ для романовскаго, заключающаго въ себѣ много сходныхъ съ нимъ пунктовъ, причемъ переписчикъ самъ исправилъ темное мѣсто въ оригиналѣ, или же оба эти наказа, по крайней мѣрѣ, указанные пункты въ нихъ имѣли одинъ общій источникъ — мірское челобитье, но въ первомъ случаѣ невѣрно списанное.

Въ виду всего вышеизложеннаго, предположеніе А. А. Кизеветтера о текстуальной близости городскихъ наказовъ съ посадскими челобитьями можетъ быть принято лишь въ слѣдующей формѣ. Очень вѣроятно, что текстъ посадскихъ мірскихъ челобитій легъ въ основу текста тѣхъ частей во многихъ изъ городскихъ наказовъ, которыя посвящены изложенію стремленій собственно посадскаго населенія. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ наказовъ попадаются извѣстія, что по тѣмъ или инымъ изъ затронутыхъ въ нихъ вопросамъ уже ранѣе подавались посадами челобитья. Вполнѣ естественно, если эти челобитья, случалось, даже просто переписывались при составленіи наказовъ.

Точно также возможно, что иногда сходныя между собою части купеческихъ наказовъ не были списаны одна съ другой, а имѣли одинъ общій источникъ—общепосадское мірское челобитье, чѣмъ и объясняется ихъ текстуальное родство. Но это было лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, установить которые большей частью возможно только при сравнительномъ изученіи текста городскихъ наказовъ и общепосадскихъ челобитій. Что же касается до остальныхъ случаевъ текстуальнаго сходства между наказами, то относительно ихъ сохраняетъ полную силу утвержденіе Н. Д. Чечулина, что они или были дословно списаны одинъ съ другого, или составлялись подъ вліяніемъ другъ друга. А такъ какъ признаніе факта заимствованія однихъ наказовъ у другихъ заставляетъ насъ понизить цѣнность многихъ изъ нихъ, какъ самостоятельнаго историческаго источника, то мы теперь и укажемъ, какіе наказаы списаны и, по возможности, съ какихъ именно ²⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 344, 302, 415.

²⁾ Подобную работу впервые выполнилъ Н. Д. Чечулинъ, подвергшій въ своей рецензій сравненію 40 наказовъ Москов. губ., напечатанныхъ въ т. ХСШ „Сб. И. Р. И. О-ва“. Въ нашемъ очеркѣ мы воспользовались, конечно, его выводами, внеся лишь нѣкоторыя измѣненія на основаніи изученія всѣхъ наказовъ Москов. губ.

Начнемъ съ наказовъ Московской губерніи, среди которыхъ встрѣчается больше всего несамостоятельныхъ. Оригиналомъ для наибольшаго числа ихъ послужилъ наказъ Костромы (т. ХСІІІ, стр. 163—179). Съ него списаны кинешемскій (СѢІІ, 122—133), любимскій (ХСІІІ, 213—223), кадывевскій (ХСІІІ, 322—329) и близко подходящій къ послѣднему судиславскій (ХСІІІ, 329—335), причемъ съ любимскаго, въ свою очередь, списанъ буйскій (ХСІІІ, 527—533). Въ кинешемскомъ наказѣ лишь пункты 17, 19—21 выработаны самостоятельно; остальные же являются точной копіей костромскаго: п. 1 кинешемскаго списанъ съ п. 1-го костромскаго, пп. 2—16 съ пп. 3—17 и п. 18 съ п. 19-го. Въ любимскомъ наказѣ п. 1 нѣсколько отличается отъ п. 1-го костромскаго; пп. 2—7 дословно списаны съ соотвѣствующихъ пунктовъ послѣдняго, а пп. 8—14 и 16 съ пп. 9, 10, 12—16 и 17; оригинальны въ любимскомъ наказѣ лишь пп. 15, 17 и 18; пункты костромскаго наказа 8, 11 и 18—23 (т. е. до конца наказа) въ немъ не повторены. Буйскій наказъ отличается отъ любимскаго только тѣмъ, что п. 10 послѣдняго онъ замѣняетъ своимъ, немного измѣняетъ редакцію 7-го п. и опускаетъ пп. 12 и 15. Въ кадывевскомъ наказѣ пп. 1, 5—13 повторяютъ пункты костромскаго въ слѣдующемъ порядкѣ: 1, 4, 5, 6, 15, 9, 10, 11, 12 и 13; въ п. 11 есть нѣкоторое отличіе, и совершенно самостоятельными являются лишь пп. 2, 3 и 4. Судиславскій наказъ представляетъ буквальное повтореніе кадывевского, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что, во-первыхъ, пп. 3 и 4 cadaго изъ нихъ говорятъ о спеціальныхъ нуждахъ именно своего города, во-вторыхъ, п. 8 судиславскаго наказа дословно повторяетъ 8-й п. костромскаго, пропущенный въ кадывевскомъ, вслѣдствіе чего соотвѣствующими другъ другу являются пп. 9—14 судиславскаго и пп. 8—19 кадывевского. Костромской наказъ подписанъ 19-го апрѣля 1767 г., кадывевскій—20-го іюня, а судиславскій—26-го іюня; любимскій и буйскій даты не имѣютъ.

Въ нерехтскомъ наказѣ (СХІІІ, 514—526), датированномъ 9-го іюля и состоящемъ изъ 20 пунктовъ, пп. 2, 5 и 6 представляютъ повтореніе пп. 1, 3 и 5 костромскаго и пп. 11 и 12—пп. 6 и 7 наказа Юрьева Польскаго (СХІІІ, 390—397), подписаннаго 26-го іюня, въ которомъ, въ свою очередь, пп. 3 и 5 сходны съ пп. 6 и 5 костромскаго; остальные же пункты въ немъ изъ числа всѣхъ 12 самостоятельны, за исключеніемъ п. 8, отчасти похожаго на п. 11 въ любимскомъ наказѣ. Возможно, что здѣсь мы имѣемъ примѣръ происхожденія наказовъ, конечно, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, изъ ранше

выработанныхъ общепосадскихъ мірскихъ челобитій. Съ нерехтскаго дословно списанъ наказъ Соли Большой (СѢІ, 40—48), въ который не вошли изъ перваго лишь пп. 3, 8, 13 и 19, посвященные, кромѣ 3-го, мѣстнымъ нуждамъ Нерехты. Въ норскомъ наказѣ (ХСІІІ, 297—303), состоящемъ изъ 7 пунктовъ, оригиналенъ лишь п. 2, посвященный специальнымъ нуждамъ Норской слободы; остальные 6 пунктовъ цѣликомъ списаны съ 1—7 пп. ярославскаго (ХСІІІ, 336—347), заключающаго въ себѣ 19 пунктовъ; при этомъ п. 3 въ норскомъ наказѣ нѣсколько подробнѣе своего оригинала, въ п. 4 встрѣчается описка, а въ п. 5—пропускъ; ярославскій наказъ подписанъ въ апрѣлѣ, норскій—въ іюнѣ.

Довольно сложнымъ представляется составъ наказа Романова на Волгѣ (ХСІІІ, 397—416), подписаннаго 11-го іюня. Въ немъ п. 1 повторяетъ въ болѣе распространенномъ видѣ п. 1 ярославскаго; пп. 2 и 3 сходны съ пп. 14 и 15 угличскаго, пп. 4—10 соотвѣтствуютъ пп. 2—8 ярославскаго (съ небольшимъ измѣненіемъ въ п. 9), пп. 11, 14 и 20—оригинальны, пп. 12, 13, 15, 24—26 и 28 сходны съ пп. 3, 4, 17, 7, 9, 10 и 14 кашинскаго (съ небольшимъ измѣненіемъ въ пп. 7 и 9), пп. 17, 19, 21, 22 и 23 опять сходны съ пп. 10, 17, 18, 19 и 12 ярославскаго, наконецъ, пп. 16, 18 и 27 говорятъ то же, что пп. 28 18 и 32 угличскаго, другимъ пунктамъ котораго соотвѣтствуютъ еще въ романовскомъ пп. 2, 3, 9, 12, 13, 19, 23, 25, 26 и 28, сходные, кромѣ того, какъ мы видѣли, еще и съ нѣкоторыми пунктами и ярославскаго и кашинскаго наказовъ. И вотъ это-то послѣднее обстоятельство и здѣсь позволяетъ предполагать, что въ основу текста романовскаго наказа легли мірскія челобитья, послужившія матеріаломъ и для сходныхъ съ нимъ наказовъ. То же самое можно сказать и относительно происхожденія кашинскаго наказа (ХСІІІ, 463—483), въ которомъ многіе пункты напоминаютъ нѣкоторыя части наказовъ угличскаго (ХСІІІ, 541—585) и ярославскаго. По крайней мѣрѣ и Н. Д. Чечулинъ, объяснявшій сходство наказовъ исключительно заимствованіями ихъ другъ у друга, замѣчаетъ, что „кажется, матеріалъ свой составители этого (кашинскаго) наказа обрабатывали довольно самостоятельно“¹⁾.

Съ тульского наказа (ХСІІІ, 95—119) списаны алексинскій (ХСІІІ, 304—314), зарайскій (ХСІІІ, 427—447) и одоевскій (ХСІІІ, 505—514). Въ алексинскомъ пп. 1—4, 6—13, 20—22, 23, 24, 25 и 26 соотвѣт-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1895 г., № 2, стр. 441.

ствують слѣдующимъ пунктамъ тульскаго: 1—4, 6—13, 23—25, 27, 29, 31 и 33; остальные 10 пунктовъ изъ всего числа 29 въ алексинскомъ наказѣ оригинальны. Въ зарайскомъ цѣликомъ или съ незначительными отступленіями пп. 1—4, 6—8, 10, 11, 13, 16—19, 23, 24, 25—29 сходны съ слѣдующими пунктами тульскаго: 1—4, 6—8, 9, 10, 17—20, 24, 25, 31, 32, 33, 35 и 29; остальные 18 пунктовъ изъ всего числа 39 самостоятельны. Кромѣ того, тульскій наказъ наряду съ крапивенскимъ послужилъ оригиналомъ и для одоевскаго. Въ одоевскомъ, состоящемъ изъ 22 пунктовъ, пп. 1—4, 5, 7—18 и 22 сходны съ пунктами тульскаго: 1—4, 6, 8, 9, 12, 15, 16, 18, 19, 20, 23, 24, 29, и 30; п. 6 дословно соотвѣтствуетъ п. 11 крапивенскаго наказа, хотя здѣсь едва-ли можетъ быть рѣчь о заимствованіи: одоевскій подписанъ 10-го іюля, а крапивенскій всего только 6-го іюля; такимъ образомъ, оригинальными являются лишь пп. 19—21.

Въ звенигородскомъ наказѣ (ХСІІ, 484—489), состоящемъ изъ 12 пунктовъ, вступленіе и пп. 1—4 и 6—12 взяты изъ вступленія и пп. 1—4, 8, 9, 13, 16, 19 и 20 рузовскаго (ХСІІ, 370—381), такъ что самостоятельны лишь пп. 5 и 11. Очень близки между собой наказы лихвинскій (СѢ, 88—94), воротынскій (ХСІІ, 152—156), перемышльскій (ХСІІ, 156—163) и козельскій (ХСІІ, 315—321). Въ лихвинскомъ пп. 3, 4, 5, 6, 7 и 9 сходны съ пп. 3, 4, 5, 6, 7 и 8 воротынскаго и пп. 4, 9, 8, 5, 6, и 10 перемышльскаго; кромѣ того, на пп. 1 и 2 послѣдняго отчасти похожи еще пп. 2 и 8 лихвинскаго; наконецъ, съ этими наказами много общаго имѣетъ козельскій: въ немъ пп. 3, 4, 5 и 8 соотвѣтствуютъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ пп. 5, 6, 10 и 8 перемышльскаго, пп. 6, 7, 8 и 3 воротынскаго и пп. 6, 7, 9 и 3 лихвинскаго. Съ наказа малоярославскаго (ХСІІ, 83—90), подписаннаго въ апрѣлѣ, повидимому, списаны частями наказы верейскій (ХСІІ, 246—259) и можайскій (ХСІІ, 381—388), подписанные въ іюлѣ. Въ верейскомъ вступленіе, пп. 1—8, 9, 10, 11 и заключеніе сходны съ вступленіемъ, пп. 1—8, 10—12 и заключеніемъ малоярославскаго, причемъ п. 6 и 11 нѣсколько распространены, а п. 9 измѣненъ; остальные 6 пунктовъ оригинальны. Въ можайскомъ пп. 1—7 повторяютъ съ нѣкоторыми перемѣнами пп. 2, 4, 6, 8, 10—12 малоярославскаго, а п. 8 дословно сходенъ съ п. 5 въ наказѣ Боровска (ХСІІ, 179—186), датированномъ 12-го іюня, съ той только разницей, что въ немъ вмѣсто слова „резоновъ“, находящагося въ послѣднемъ, ошибочно написано слово „поборовъ“.

Очень близки другъ къ другу наказы веневскій (ХСІІ, 240—246),

михайловскій (CVII, 145—149) и епифаньевскій (CVII, 3—11). Въ первомъ пп. 6—11 и 13 соотвѣтствуютъ пп. 1, 2, 5, 6 и 7 михайловскаго и, въ то же время, пп. 6—10 сходны съ пп. 1, 6, 13, 11 и 9 епифаньевскаго. Много сходнаго представляютъ собой наказы гжатскій (XCVIII, 223—240), серпейскій (CVII, 157—171), мосальскій (CVII, 28—40) и мещовскій (CVII, 114—122); пп. 1, 3—6, 8—13 серпейскаго совпадаютъ съ пп. 1—3 и 5—13 мосальскаго, съ той лишь разницей, что въ первомъ пп. 6, 9 и 12 значительно распространены; повидимому, съ одного изъ этихъ наказовъ былъ списанъ мещовскій, гдѣ пп. 3—5 и 9 соотвѣтствуютъ пп. 1, 5, 8 и 11 серпейскаго и 1, 5, 7 и 11 мосальскаго; для одного же изъ двухъ послѣднихъ, можно думать, оригиналомъ послужилъ наказъ гжатскій, изъ котораго пп. 1, 2, 5, 6, 7, 9 и 10 повторены въ пп. 1, 9, 10, 6, 11 и 12 мосальскаго и серпейскаго.

Изъ наказовъ Новгородской губ. ¹⁾ безусловно списаннымъ нужно признать наказъ зубцовскій (288—298), въ которомъ пп. 1—8, 11 и 13 дословно сходны съ пп. 1—8, 12 и 17 ржевскаго (404—417); остальные три пункта, 9, 10 и 12, оригинальны. Точно также несамостоятельнымъ является и порховскій наказъ (281—288), датированный 5-го июня; въ немъ пп. 1—3, 5, 6 и 10 съ незначительными измѣненіями въ пп. 1 и 10 соотвѣтствуютъ пп. 1—3, 9, 10 и 7 наказа Опочки (270—281). Наказы же великолуцкій (330—352), торопецкій (352—367) и осташковскій (433—435), можно думать, воспользовались одинаковымъ матеріаломъ — общепосадскимъ мірскимъ челобитьемъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя статьи въ нихъ и явились сходными, именно, п. 4 осташковскаго соотвѣтствуетъ пп. 6 великолуцкаго и 10 торопецкаго, а въ двухъ послѣднихъ одинаковы еще п. 8 въ первомъ и п. 5 во второмъ. Изъ другихъ наказовъ сходныя мѣста встрѣчаются лишь въ новолодожскомъ (244—252), гдѣ п. 19 напоминаетъ п. 33 въ наказѣ Петербурга (210—227), и въ тихвинскомъ (301—313), въ которомъ пп. 8, 9, 12 и 13 соотвѣтствуютъ пп. 17, 26, 29 и 31 псковскаго (367—404). Среди наказовъ Казанской губ., повидимому, частями списанъ наказъ Василя (482—485) съ наказа Козмодемьянска (486—489): пп. 2, 3 и 4 перваго соотвѣтствуютъ пп. 4, 5 и 6 втораго, причемъ изъ п. 5 переписано не все.

Изъ наказовъ Архангелогородской губ. ²⁾ попадаются сходства лишь

¹⁾ Всѣ они, а также наказы Казанской губ. напечатаны въ т. CVII „Сборника И. Р. И. О-ва“; поэтому мы будемъ указывать дальше лишь однѣ страницы.

²⁾ Напечатаны въ т. CXXIII „Сборника И. Р. И. О-ва“.

въ вологодскомъ (423—433) и тотемскомъ (382—395), съ одной стороны, галичскомъ (395 — 407) и чухломскомъ (361 — 367), съ другой. Въ вологодскомъ пп. 1, 2, 4—13 дословно списаны съ пп. 1, 2, 4—13 тотемскаго, такъ что оригинальными являются всего только пп. 3 и 14. Въ чухломскомъ, подписанномъ 18-го мая, пп. 2, 3 и 7 соотвѣтствуютъ пп. 5, 6 и 14 галичскаго, подписаннаго 26-го марта, да еще пп. 11 и 12 въ первомъ напоминаютъ п. 11 второго; если здѣсь и можно говорить о заимствованіи, то нельзя забывать, что большая часть наказа является все же самостоятельной. Въ наказахъ Петербургской и Нижегородской губерній сколько-нибудь замѣтныхъ текстуальныхъ заимствованій совершенно нѣтъ.

Признавъ, что текстуальныя сходства многихъ наказовъ объясняются просто на просто заимствованіемъ, мы, тѣмъ не менѣе, не должны слишкомъ понижать ихъ цѣнность, какъ самостоятельнаго историческаго источника. Дѣло въ томъ, что наказовъ, которые являлись бы сплошными копіями, немного. Такими являются лишь указы: Соли Большой, гдѣ всѣ 16 пунктовъ заимствованы съ нерехтскаго; норскій, изъ 7 пунктовъ котораго 6 списаны съ ярославскаго; звенигородскій, въ которомъ изъ 12 пунктовъ 10 взяты изъ рузовскаго; зубцовскій, заключающій изъ 13 пунктовъ всего только 3 оригинальныхъ, и вологодскій, гдѣ самостоятельны лишь 2 пункта изъ 13. Но наряду съ этими наказами-копіями, представляющими собой образцы механическаго списыванія того, что почему либо попало подъ руку, и лишенными поэтому всякаго значенія, въ качествѣ историческаго свидѣтельства, встрѣчаются, и при томъ въ гораздо большемъ числѣ, указы-компиляціи, составленные продуманно, на основаніи сознательнаго выбора.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на одну черту, рѣзко проходящую черезъ литературу наказовъ-компиляцій. Эта черта, какъ справедливо указалъ А. А. Кизеветтеръ, — „тѣсная связь каждаго наказа съ мѣстными бытовыми условіями“¹⁾, черта, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ устанавливается документально, самимъ текстомъ. Такъ, напримѣръ, въ кашинскомъ указѣ, заимствованномъ многое изъ угличскаго и ярославскаго, встрѣчается просьба двухъ мѣстныхъ ямщиковъ; въ п. 5 алексинскаго указа, списанномъ съ п. 5 тульскаго, заключается просьба о снятіи двойного подушнаго оклада съ записавшихся въ купечество прежнихъ службъ служилыхъ

¹⁾ Русск. Бол., 1898 г., № 11, стр. 50.

людей, казенной слободы кузнецовъ и дворцовыхъ крестьянъ, тогда какъ въ оригиналѣ то же самое говорится лишь относительно оружейниковъ; п. 9 перемышльскаго наказа, воспроизводящій п. 4 воротынскаго, говоритъ о необходимости разрѣшить купцамъ покупку хлѣба во все продолженіе торга, а не послѣ полудня, иллюстрируя свое пожеланіе фактами мѣстной жизни, подтверждающими его необходимость, именно, указавъ, что въ Перемышлѣ торгъ происходитъ всего только до полудня, такъ что купцы при существующемъ узаконеніи оказываются въ безвыходномъ положеніи. „Характерно,—замѣчаетъ по этому поводу А. А. Кизеветтеръ,—что эти случайныя оговорки, указывающія на общность мѣстныхъ условій, встрѣчаются какъ разъ въ тѣхъ наказахъ, тексты которыхъ совпадаютъ по всѣмъ статьямъ“¹⁾.

О томъ, что составители наказовъ почти всегда исходили изъ мѣстныхъ потребностей и нуждъ, не только свидѣтельствуетъ текстуальная связь почти каждаго наказа съ условіями мѣстной обстановки, которая проявилась въ вышеприведенныхъ прямыхъ оговоркахъ и указаніяхъ. На это самое также указываетъ и то обстоятельство, что въ наказахъ-компиляціяхъ заимствованный матеріалъ всегда подвергался болѣе или менѣе значительной переработкѣ, обуславливавшейся опять-таки особенностями мѣстнаго быта. Подобнаго рода переработка состояла въ томъ, что, во-первыхъ, заимствовался обыкновенно не весь наказъ, а лишь тѣ или иныя части его, почему либо отвѣчавшія потребностямъ составителей; во-вторыхъ, и эти части переписывались не цѣликомъ, а или въ сокращенномъ, или распространенномъ, или вообще измѣненномъ видѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ верейскомъ наказѣ пп. 6 и 11, соотвѣтствующіе пп. 6 и 12 малоарославскаго, по сравненію съ оригиналомъ значительно дополнены, а п. 9, списанный съ п. 10, измѣненъ; въ п. 2 наказа Василя, заимствованномъ съ п. 4 козмодемьянскаго, находится просьба о сложеніи сбора на содержаніе лекаря и нѣтъ ни слова о пробирномъ мастерѣ, по отношенію къ которому въ оригиналѣ говорится то же самое; ясно, что это сокращеніе было вызвано тѣмъ, что населеніе Василя было свободно отъ платежа пробирному мастеру; въ чухломскомъ наказѣ п. 11 представляетъ собой въ измѣненномъ видѣ пп. 11 и 19 галичскаго²⁾. И такіе факты встрѣчаются почти во всѣхъ наказахъ-ком-

¹⁾ Ibid., стр. 52.

²⁾ „Сб. И. Р. И. О-ва“, т. ХСІІІ, стр. 1) стр. 248, § 6, стр. 252, § 11 и стр. 251 § 9 съ стр. 86, § 6, стр. 89, § 12 и стр. 88, § 10; 2) т. СVІІ, стр. 484, § 2 съ стр. 488, § 4; 3) т. СХХІІІ, стр. 366, § 11 съ стр. 405, §§ 18 и 19.

пиляціяхъ. Въ виду всего этого мы должны признать, что и эти указы имѣютъ почти одинаковую цѣнность съ самостоятельными: вѣдь заимствованія въ нихъ свидѣтельствуютъ не о „скудоуміи“ ихъ составителей, что примѣнимо, если согласиться съ г. Абрамовымъ ¹⁾, только къ списаннымъ дворянскимъ наказамъ, а лишь о тѣсной общности основныхъ нуждъ и потребностей въ городской Великороссіи второй половины XVIII ст.

Резюмируя все вышеизложенное относительно происхожденія городскихъ депутатскихъ наказовъ 1767 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ и значенія ихъ какъ историческаго источника, еще разъ кратко повторимъ тѣ общія положенія, къ какимъ мы пришли: во-первыхъ, въ этихъ наказахъ выражены взгляды и пожеланія не одного только торгово-промышленнаго класса, а различныхъ разрядовъ городского населенія, отвѣчавшихъ установленному въ законѣ имущественному цензу; во-вторыхъ, эти взгляды и пожеланія касаются не всей городской жизни, а лишь однихъ отрицательныхъ ея сторонъ; и въ-третьихъ, они, эти взгляды и пожеланія, дѣйствительно высказаны вполне свободно ²⁾ самимъ населеніемъ, а не навязаны ему ни правительствомъ, ни отдѣльными лицами. Разъяснивъ, такимъ образомъ, субъективную достовѣрность городскихъ наказовъ, мы въ слѣдующей части нашего очерка займемся уже изученіемъ ихъ содержанія.

С. Вознесенскій.

¹⁾ *Съверн. Вѣстн.*, 1885 г., № 4, стр. 151.

²⁾ Это утвержденіе мы не распространяемъ, конечно, на Малороссію, гдѣ при выборахъ и составленіи наказовъ было оказано правительственной властью давленіе, правда, не особенно значительное.

